PA 3973
.M4 T54

МЕДЕЯ,

ЕВРИПИДОВА ТРАГЕДІЯ.

РѢЧЬ,

НАПИСАННАЯ,

для произнесенія въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора

П. ТИХОНОВИЧЕМЪ.

PA3973
.M4T54

448

Начало прекраснаго и разумнаго обычая сопровождать праздники живымъ словомъ принадлежитъ не намъ. Живое слово изстари считалось лучшимъ украшеніемъ праздниковъ. Еще прежде насъ такъ думали объ немъ Греки, даровитѣйшіе люди, какихъ только знаетъ исторія; они уже обыкновенно прославляли и украшали свои праздники преимущественно словомъ. Греки съ древнѣйшихъ временъ уже любили его, дорожили имъ, какъ драгоцѣннымъ даромъ неба, ставили его наравнѣ съ отвагою и мужествомъ, въ одинаковой степени уважали *μύθων ῥητῆρα καὶ ἔργων πρηκτῆρα*; и потому-то слово, по ихъ взгляду, было лучшимъ приношеніемъ со стороны человѣка въ честь всякаго праздника. И Греки республиканскаго времени имѣли столь-же высокое понятіе о словѣ и ничѣмъ столько не дорожили, какъ свобо-

дою рѣчи — ἐξουσία τοῦ λέγειν, ἰσολογία, ἰσηγορία; ее ставили выше дѣйствительнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; даже самое это участіе въ дѣлахъ потому только было для нихъ интересно и дорого, что оно связано было съ свободою слова; и потому рѣчь у нихъ считалась достойною жертвою богамъ, тоже любившимъ слово, имѣвшимъ у себя на Олимпѣ музъ, пѣснямъ которыхъ небожители нерѣдко внимали, сидя на пиру у отца боговъ и человѣковъ — Зевеса. И потому, ничуть не удивительно, что у Грековъ уже съ древнѣйшихъ временъ упоминаются гимны, пэаны, гипо́рхемы и другія поэтическія формы, въ которыхъ они, прославляя боговъ, благодаря ихъ за благодѣянія, или прося у нихъ помощи и милости, выражали свое благоговѣніе и преданность къ нимъ, свои надежды и упованіе на нихъ, и которыми вмѣстѣ съ тѣмъ они украшали и самые праздники, собиравшіе отвсюда древнихъ Грековъ и соединявшіе ихъ въ одну семью, давали имъ разнообразіе, прелесть и оживленіе. Тогда-же образовались у нихъ особыя лица, которыя, обладая даромъ слова, складывали пѣсни про старину, про подвиги предковъ, про дѣянія безсмертныхъ боговъ и, переходя съ праздника на праздникъ, пѣли эти пѣсни, украшая и разнообразя ими праздники. Эти лица, носившія названія рапсодовъ, аэдовъ, киѳародовъ, были желанными и жданными гостями на всякаго рода праздникахъ, были ли они религіозные, сопряженные съ молитвами и жертвоприношеніями, или общественные и семейные. Обѣды и пиры древнихъ Греческихъ анактовъ никогда не обходились безъ пѣвцовъ; и сѣдовласые старцы, собравшіеся на пиръ къ своему анакту,

долго заслушивались на немъ, внимая вдохновенному пѣвцу, который обаятельною силою слова приковывалъ ихъ слухъ къ своей пѣсни, разсказывая о судьбахъ древнихъ героевъ, объ ихъ дивныхъ подвигахъ, объ ихъ близкихъ отношеніяхъ къ божествамъ, объ ихъ странствованіяхъ, сопряженныхъ съ страданіями и несчастіями, объ ихъ радостяхъ и удовольствіяхъ. Эта любовь къ слову, разлившаяся такимъ широкимъ и величественнымъ потокомъ, каковы были древнія эпическія сказанія, разнесшая ихъ по всѣмъ концамъ древняго міра, куда только заходили жители древней Еллады, не только не умерла въ позднѣйшія времена, но еще больше развилась вмѣстѣ съ развитіемъ разнообразныхъ формъ поэзіи, нашедшей приличное выраженіе не только для внѣшнихъ дѣяній и событій разнообразной героической жизни, но и для выраженія духовныхъ настроеній каждаго недѣлимаго, его утѣхъ и радостей, печали и горести, любви и наслажденій жизнію. Какъ пиры древнихъ анактовъ не обходились безъ пѣсни аэда, рапсода, кіѳарода, такъ и пиры позднѣйшихъ Грековъ считали своимъ лучшимъ украшеніемъ пѣсню, которая сказалась въ элегіи, комосѣ, сколіи и въ другихъ поэтическихъ формахъ. Какъ праздники древнѣйшихъ Грековъ обставлялись и украшались пэанами, гимнами, эпами, такъ праздники историческихъ Грековъ обставлялись и украшались болѣе разнообразными произведеніями лирической поэзіи, развившейся въ великолѣпную хоровую поэзію, вѣнкомъ которой были пиндарическія оды, эпиникіи, въ честь побѣдителей на священныхъ народныхъ играхъ — Олимпійскихъ, Пиѳійскихъ, Немейскихъ,

Истмійскихъ. Но самымъ высшимъ украшеніемъ праздниковъ у Грековъ была драматическая поэзія, и преимущественно трагедія. Возникшая изъ среды религіозныхъ церемоній и праздниковъ, трагедія тѣсно была связана съ ними и составляла какъ-бы часть общественнаго богослуженія. По своему дѣйствію на душу современнаго зрителя, она вполнѣ была достойна своего святаго происхожденія, котораго она ни разу не уронила, и по всѣмъ правамъ осталась навсегда связанною съ тѣми праздниками, которые дали ей начало и которые собирали вокругъ алтарей боговъ весь Аѳинскій народъ; она сама была праздникомъ, который давался гражданамъ въ торжественные дни. Не удовлетвореніе празднаго любопытства, не стремленіе убить какъ-нибудь несносное время въ свободные часы, не скука, выгоняющая изъ дому, не тщеславіе блеснуть богатыми уборами собирали сюда Аѳинянъ; но чувства болѣе благородныя и возвышенныя, болѣе нравственныя и глубокія руководили ими, когда они собирались въ театръ смотрѣть на произведенія Эсхила, Софокла, Еврипида и другихъ. Души зрителей, созерцая въ дивныхъ произведеніяхъ Греческихъ трагиковъ изображеніе великихъ и потрясающихъ сердце событій, взирая на бѣдствія царей и государствъ, видя предъ собою живыя въ лицахъ картины поразительныхъ несчастій, проникались благоговѣніемъ къ богамъ, страхомъ предъ высокомѣріемъ человѣческой гордыни, глубокимъ уваженіемъ къ божественной правотѣ и къ человѣческимъ законамъ. Въ произведеніяхъ трагиковъ своихъ Греки находили не только самыя глубокія размышленія о божественной правотѣ, о наградахъ, кото-

рыя она опредѣляетъ добродѣтели, о наказаніяхъ, которыя она воздаетъ неправосудію и неуваженію къ богамъ, о средствахъ, которыми она унижаетъ гордость и высокомѣріе гордыхъ смертныхъ; но вся сущность этой поэзіи пробуждала въ нихъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что божественное провидѣніе постоянно слѣдитъ за человѣческими дѣлами. И потому-то Греки приготовлялись къ этимъ представленіямъ дѣйствительно какъ къ религіознымъ праздникамъ — очищеніемъ театровъ, молитвами, жертвами, и вообще все представленіе было проникнуто глубокою идеею религіозности. Обратимъ еще вниманіе на то, что Греческая трагедія, выводя на сцену передъ глаза зрителей, въ живыхъ образахъ, борьбу съ разнаго рода обстоятельствами и подвиги тѣхъ лицъ, съ именами которыхъ, старинными и достоуважаемыми, связывались многія событія, дорогія Греческому сердцу, живо затрогивавшія душу народа, сросшіяся съ его жизнію, гражданскою, семейною и религіозною, тѣмъ самимъ уже питала и развивала въ немъ чувство народной гордости, любовь къ странѣ, высокое уваженіе къ Греческому имени. Понятно, что представленія, на которыхъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ торжествъ и празденствъ, среди всего народа, настроеннаго чувствомъ праздника, воспроизводились, какъ живые, образы героевъ, въ которыхъ Грекъ видѣлъ свое достояніе, свою славу и гордость, въ дѣйствительность которыхъ онъ вѣрилъ всѣми силами своей души, понятно, что такія представленія производили на душу Грека столь сильное впечатлѣніе, о какомъ мы, при настоящемъ состояніи и направленіи нашихъ театровъ, едва-ли въ со-

стояніи составить надлежащее понятіе; что на такія представленія не жалѣли никакихъ издержекъ; что для того, чтобы доставить возможность бывать на театрѣ всѣмъ, и даже бѣднякамъ, выдавались имъ изъ государственнаго казначейства деньги (τὸ θεωρικόν, τὰ θεωρικά), которыя они и платили за входъ. Если присоединимъ еще къ этому великолѣпную обстановку, сопровождавшую представленія драматическихъ произведеній; если припомнимъ, что архитектура создала для нихъ тѣ громадныя зданія, въ которыхъ могли помѣщаться отъ 30,000 до 40,000 зрителей; что ваяніе и живопись украсили, сколько возможно, сцену; что музыка и пѣніе сопровождали игру актеровъ: то безъ сомнѣнія мы поймемъ, съ одной стороны, то обаяніе, какое производили на Аѳинянъ драматическія представленія, ту любовь, какую они поселяли въ душѣ Грековъ къ себѣ, а съ другой стороны — то обстоятельство, что драматическія представленія дѣйствительно были вполнѣ достойными представителями Греческихъ праздниковъ.

Само собою разумѣется, что при такой живой потребности на трагическія произведенія, вызываемой и поддерживаемой религіею, политикою и эстетическимъ чувствомъ, такъ сильно развитымъ у Грековъ, было не мало лицъ, посвящавшихъ свое время и труды на сочиненіе трагедій для постановки ихъ на Аѳинскую сцену. Дѣйствительно, ихъ было не мало: но, къ сожалѣнію, всѣ произведенія ихъ не дошли до насъ; отчасти время, отчасти невѣжество уничтожили ихъ; уцѣлѣли только остатки отъ этого огромнаго богатства. Но за то въ этихъ остаткахъ мы имѣемъ произведенія Эсхи-

ла, Софокла и Еврипида, трехъ геніальныхъ представителей Греческой трагедіи въ ея троякомъ направленіи. Съ одною изъ трагедій одного изъ этихъ трехъ писателей я считаю вполнѣ сообразнымъ съ нашимъ праздникомъ познакомить Васъ, Милостивые Государи, именно — съ *Медеею* Еврипида.

Жизнь Еврипида мало намъ извѣстна, или, говоря точнѣе, извѣстна отрывочно, съ нѣкоторыхъ только сторонъ, и притомъ перепутана многими несправедливыми чертами. По преданію, онъ родился въ 75, 1 олимпіады, 20 вондроміона (сентябрь), (за 480 л. до Р. Х.)*. Слѣдовательно, онъ засталъ не только еще въ живыхъ, но и среди поэтической дѣятельности Эсхила и Софокла; будучи моложе обоихъ, онъ пережилъ Эсхила 50-ю годами, умеръ раньше Софокла однимъ годомъ, или и того меньше. Въ молодости Еврипидъ хотѣлъ, говорятъ, посвятить себя атлетикѣ, и думаютъ, что онъ одержалъ даже побѣду на гимнастическихъ играхъ и получилъ награду. Но эта дѣятельность не могла удовлетворить его: живость ума, богатство фантазіи и стремленіе къ умственной дѣятельности влекли его къ другаго рода занятіямъ, и онъ бросилъ атлетику, нисколько не соотвѣтствовавшую его природнымъ инстинктамъ. Онъ сталъ изучать живопись, но и ее оставилъ. Видно, что душа его искала дѣятельности по себѣ и, не находя ея, переходила отъ одного предмета къ другому. Наконецъ Продикъ, и особенно Анаксагоръ увлекли его къ заня-

* Впрочемъ, по Эратосѳену, Еврипидъ родился ол. 74, 3 (до Р. Х. 482 или 481), а Паросская хроника относитъ его рожденіе къ ол. 73, 4.

тіямъ философіею; въ ней онъ нашелъ то, чего искалъ, и съ того времени онъ остался вѣренъ своему философскому направленію. Впрочемъ онъ не сдѣлался записнымъ философомъ; но за-то внесъ въ драму свои философскія убѣжденія и принципы. Онъ по преимуществу трагикъ-мыслитель. Появленіе его на Аѳинскомъ театрѣ было встрѣчено Аѳинскою публикою неблагопріятно. Не говоря уже о томъ, что въ то время господствовалъ на Аѳинской сценѣ Софоклъ, бывшій старѣе Еврипида шестнадцатью годами, уже, при первомъ появленіи на сценѣ, одержавшій блестящую побѣду надъ Эсхиломъ, сильный драматическій геній, съ которымъ приходилось бороться Еврипиду, и борьба съ которымъ не могла быть легкою; Еврипиду, сверхъ того, нужно было бороться и со вкусомъ публики, и съ направленіемъ трагедіи, какое приняла она подъ вліяніемъ такого великаго художника, какимъ былъ Софоклъ и его послѣдователи. При всемъ томъ неудачи, сопровождавшія Еврипида, не сокрушили его, не отняли у него энергіи, не лишили охоты работать для театра: твердо и неустанно онъ слѣдовалъ по однажды избранной имъ дорогѣ, не увлекаясь блестящими удачами своихъ соперниковъ и не унывая отъ собственныхъ неудачъ. Отказавшись совершенно отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, не добиваясь должностей, не думая о значеніи и вліяніи на политическую дѣятельность, преданный исключительно философскому созерцанію, онъ жилъ уединенно, среди своихъ книгъ, окруженный немногими лицами, раздѣлявшими его направленіе и стремленія къ борьбѣ противъ господствовавшаго въ то

время развитія трагедіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Еврипидъ, сравнительно, одержалъ мало побѣдъ на драматическихъ состязаніяхъ, и подвергся жаркимъ и часто несправедливымъ нападеніямъ комиковъ, которые настойчиво преслѣдовали отважныя попытки его, соединенныя иногда и съ промахами. Если его произведенія имѣли мало успѣха передъ судьями драматическихъ представленій, за-то они сильно были распространены между народомъ. И оттого, вмѣстѣ съ развитіемъ и усиленіемъ охлократіи, развилась и усилилась его извѣстность; онъ пріобрѣлъ слушателей и читателей; ему удалось наконецъ выработать извѣстнаго рода вліяніе на вкусъ своего времени, которое впослѣдствіи до такой степени усилилось, что ни одинъ трагикъ не получилъ столько похвалъ, какъ Еврипидъ, ни одному столько не удивлялись, какъ ему, не только простой народъ, но и философы и люди образованные. Сократъ, рѣдко посѣщавшій театръ, часто приходилъ туда, когда играли Еврипидовы піесы. Съ Еврипидомъ онъ сошелся у Анаксагора и на-всегда остался его другомъ. Оракулъ Аполлона присудилъ ему пальму мудрости. Драмы его распространились по всей Греціи. Магнезія, куда онъ на старости переселился, почтила его правомъ общественнаго гостя и освободила его отъ всѣхъ податей. Въ Сициліи до такой степени были уважаемы его произведенія, что тѣ изъ Аѳинянъ, оставшихся тутъ въ рабствѣ послѣ несчастнаго Сицилійскаго похода, которые знали наизустъ значительные отрывки изъ нихъ, пріобрѣтали чтеніемъ ихъ расположеніе и милость къ себѣ своихъ господъ. Нѣкоторые изъ Аѳинянъ,

отставшіе отъ войска и скитавшіеся по Сициліи, находили себѣ пріютъ, покровительство и пропитаніе только чтеніемъ Еврипида. Говорятъ, что Еврипидъ дожилъ до того времени, когда эти несчастные возвратились на родину и лично изъявили ему благодарность за благодѣтельное для нихъ дѣйствіе его произведеній (Grot. IV, 266. s. f. Uebers. v. Meissner). Цицеронъ воздаетъ ему блестящія похвалы въ своихъ сочиненіяхъ и часто приводитъ мѣста изъ него, а Квинтиліанъ говоритъ объ немъ слѣдующее: Euripides et in sermone magis accedit oratorio generi: et sententiis densus, et in iis, quæ a sapientibus tradita sunt, pæne ipsis par, et dicendo, et respondendo cuilibet eorum, qui fuerunt in foro diserti, comparandus; in affectibus vero cum omnibus mirus, tum in iis, qui miseratione constant, facile præcipuus. (Instit. Or. X, 1, 68). Кромѣ того, Платонъ, Плутархъ стоики постоянно приводятъ изъ него мѣста. По смерти его, граждане приняли участіе въ траурѣ по немъ; память его почтили Аѳиняне почетною гробницею (κενοτάφιον) по дорогѣ въ Пирей, гдѣ видѣлъ ее еще и въ позднѣйшія времена путешественникъ Павсаній; впослѣдствіи, при ораторѣ Ликургѣ, поставили ему статую въ театрѣ; по предложенію того-же самаго Ликурга, экземпляръ его трагедій, пересмотрѣнный и очищенный, хранился, какъ народная святыня, вмѣстѣ съ трагедіями Эсхила и Софокла, и по немъ контролировались актеры, игравшіе его произведенія. По смерти его, Діонисій, тиранъ Сицилійскій, пріобрѣлъ отъ его родственниковъ за одинъ талантъ (около 1,500 р. сер.) его музыкальный струнной инструментъ, досточку, на

которой онъ писалъ, грифель, которымъ писалъ, и все это, какъ драгоцѣнный даръ богу, посвятилъ въ храмѣ музъ въ Сиракузахъ съ именемъ Еврипида.

Еврипидова трагедія *Медея*, къ которой теперь обращаюсь, поставлена была на сцену въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь ее имѣемъ, въ первомъ году восемдесятъ-седьмой олимпіады, т. е. въ 431 году до Р. Х. Ставля эту трагедію на сцену, Еврипидъ не былъ уже новичкомъ на драматическомъ поприщѣ; онъ довольно уже потрудился и поработалъ для театра. Родившись въ день Саламинской битвы, онъ въ это время былъ уже 49 лѣтъ; 25-ти лѣтъ онъ выступилъ на театральную дѣятельность съ своими *Пеліадами;* 39 лѣтъ онъ выигралъ первую побѣду на драматическомъ состязаніи; за три года до постановки Медеи, онъ поставилъ на Аѳинскую сцену тетралогію изъ четырехъ драмъ, изъ которыхъ мы и теперь еще имѣемъ одну трагедію *Алькесту*. Вѣроятно онъ написалъ еще и больше трагедій въ этотъ двадцати-четырех-лѣтній промежутокъ времени; но свѣдѣнія объ этомъ не дошли до насъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ видѣть, что Еврипидъ былъ уже опытный драматическій писатель, вполнѣ знакомый съ современными требованіями драматическаго искусства; въ самой порѣ мужеской силы и поэтической производительности, равно далекій отъ юношескихъ увлеченій, какъ и отъ старческой, резонирующей дряхлости. Все это дѣйствительно сказывается въ его трагедіи — Медеѣ, одномъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Греческаго драматическаго искусства.

Уже въ самомъ началѣ трагедіи нельзя не подивиться искусству поэта, съ какимъ онъ умѣлъ въ прологѣ обратить вниманіе зрителей на то положеніе, въ какое была поставлена Медея, отвергнутая своимъ мужемъ на чужой сторонѣ. Зрители, современные Еврипиду, равно какъ и мы, читатели, узнаемъ изъ словъ няни (τρόφος) и то, какъ низко поступилъ Язонъ съ Медеею, и то, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ этимъ поступкомъ на горячую, необузданную душу Медеи, пылкой и готовой все принесть въ жертву своей страсти. Мы еще не видимъ на сценѣ самой Медеи; но уже предчувствуемъ, что поступокъ Язона съ Медеею не кончится добромъ, что онъ будетъ причиною многихъ золъ и бѣдъ. Такъ въ-правѣ мы заключить изъ словъ старой ея рабыни, которая говоритъ, что «несчастная Медея, оскорбленная униженіемъ, призываетъ боговъ во свидѣтели того, чѣмъ воздалъ ей Язонъ. Съ того времени, какъ Медея узнала обиду, причиненную ей со стороны Язона, она остается безъ пищи и, предавшись всей силѣ горести, постоянно заливается слезами. Вперивъ глаза въ землю, неподвижно, какъ скала, она выслушиваетъ увѣщанія своихъ друзей; или же, погрузившись въ свои думы, она вздыхаетъ по своемъ миломъ отцѣ, по родной землѣ, по родительскомъ домѣ, которымъ она пожертвовала ради любви къ Язону, теперь отвергающему и презирающему ее; теперь только несчастная, наученная собственнымъ несчастіемъ, поняла, что̀ значитъ покинуть родную землю; даже взглядъ на дѣтей не радуетъ ее; она ненавидитъ ихъ. При своемъ необузданномъ характерѣ (βαρεῖα φρήν), она

не въ состояніи перенесть обиды; она замышляетъ что-то новое; она убьетъ либо саму себя, либо царя и его зятя, и за-тѣмъ привлечетъ на себя какое-нибудь великое несчастіе» (ст. 1 — 48). Въ этихъ словахъ мы видимъ, что душа Медеи сильно потрясена, что она вся отдалась своей горести; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнаемъ, что она, при своемъ характерѣ, не падетъ подъ бременемъ горя, не подчинится ему безмолвно, не изнеможетъ въ напрасной борьбѣ съ нимъ; что она не подаритъ своему супругу постыднаго поступка съ нею, не проститъ ему оскорбленія, не свыкнется съ своимъ унизительнымъ положеніемъ; не таковъ ея характеръ, не такова душа ея, чтобы она могла забыть обиду, нанесенную ей; упорное ея молчаніе, ея безмолвныя сѣтованія суть только предвѣстники страшной бури, которая готова разразиться надъ домомъ царя Креона.

Еще яснѣе раскрывается передъ нами положеніе Медеи въ слѣдующей за-тѣмъ сценѣ, когда старикъ-дядька встрѣчается съ нянею. Этотъ старый невольникъ, которому порученъ былъ надзоръ за дѣтьми Медеи, возвращаясь съ ними въ домъ послѣ дѣтскихъ игръ, встрѣчается передъ дверьми дома съ нянею, и между ними завязывается разговоръ, среди котораго старикъ сказалъ, что Медея не знаетъ еще всѣхъ бѣдъ, какія грозятъ ей. Старуха, схватившись за эти слова, настойчиво требуетъ разсказать ей, въ чемъ дѣло. Старикъ волею-неволею, а долженъ былъ открыть ей, что онъ слыхалъ, какъ говорили, будто Креонъ, повелитель страны, хочетъ изгнать отсюда дѣтей вмѣстѣ съ матерью.

Рѣчей этихъ онъ не выдаетъ за истину, да и не желалъ бы, чтобы онѣ были истинны.

Съ одной стороны, эта жестокость повелителя страны, не только отнимающаго у Медеи мужа, но изгоняющаго и дѣтей ея, а съ другой — разсчетливая небрежность объ нихъ Язона, какъ-бы совершенно забывшаго о существованіи ихъ, сильно поражаютъ обоихъ стариковъ и возмущаютъ ихъ душу такою вопіющею несправедливостію одного и такимъ безсовѣстнымъ эгоизмомъ другаго. Но раздраженіе не одинаково подѣйствовало на обоихъ: между-тѣмъ какъ старуха не можетъ удержать своего волненія и выражаетъ его при дѣтяхъ: «дѣти, вы слышите, какъ расположенъ къ вамъ отецъ, не желаю ему гибели: онъ мой господинъ; но все-таки онъ золъ къ своимъ!» — Старикъ, напротивъ, сдерживаетъ свое негодованіе и выражается общею мыслію: «кто изъ людей не таковъ? говоритъ онъ. Развѣ теперь только ты узнала, что каждый любитъ самого себя больше, нежели своего ближняго?» (82—88).

Послѣ этого старикъ готовится идти съ дѣтьми въ домъ; старуха совѣтуетъ ему не позволять дѣтямъ приближаться къ раздраженной матери. «Я видѣла, говоритъ она, какъ Медея смотрѣла на нихъ глазами раздраженнаго быка (ταυρουμένη), какъ-бы что-то замышляя. И подлинно, она не успокоится, пока не накинется на кого-нибудь. Далъ бы богъ, чтобы то было на недруга, а не на своихъ». — Эта сцена замѣчательна для насъ въ слѣдующемъ отношеніи: изъ ней мы видимъ, что Еврипидъ неподражаемо умѣетъ оттѣнить дѣйствующія лица. Въ приведенной мною сценѣ, и старикъ, и старуха

имѣютъ у него свою собственную физіономію: одна раздражательна, горяча, не держитъ языка за зубами, другой спокоенъ, остороженъ, воздержанъ на слова. И между-тѣмъ изъ словъ обоихъ видно, что они преданы своимъ господамъ, что разладъ въ господскомъ домѣ произвелъ на нихъ тяжкое впечатлѣніе, что забота о будущемъ положеніи Медеи и ея дѣтей глубоко запала въ ихъ сердце. Сколько любви и преданности выражается въ предостереженіи няни непозволять дѣтямъ приближаться къ матери! Кромѣ того эта сцена тѣсно связана съ самою драмою; она еще яснѣе обрисовываетъ положеніе дѣйствующихъ лицъ; она намекаетъ на замыселъ Креона изгнать Медею и ея дѣтей, на эгоистическую беззаботность Язона о своихъ и прямо указываетъ на сильно раздраженное состояніе Медеи. Еще драма собственно не начиналась; но зритель и читатель уже заинтересованы; вниманіе ихъ уже сильно занято; ожиданіе возбуждено.

На сценѣ все-еще остаются няня и дядька; Медеи мы еще не слышимъ и не видимъ; о состояніи ея и положеніи мы знаемъ только изъ словъ старухи. Но въ то время, какъ няня оканчивала свои наставленія старику на-счетъ дѣтей, раздаются изъ дому стоны и вопли Медеи: «горе, несчастная я и бѣдная, горе мнѣ, горе! Какъ-же я погибаю!» — Эти слова снова пробуждаютъ тревогу въ душѣ стариковъ, бывшихъ еще на сценѣ: старуха торопитъ дядьку и дѣтей уйдти отсюда, и снова повторяетъ имъ непоказываться матери на-глаза. Едва они уходятъ, какъ вновь раздаются стоны и проклятія Медеи, въ которыхъ высказалось то,

что накопилось въ душѣ ея, чѣмъ наболѣло ея сердце. Она проклинаетъ себя, проклинаетъ своихъ дѣтей; призываетъ смерть на ихъ головы и на голову отца со всѣмъ домомъ, въ которомъ живутъ; она желаетъ себѣ смерти, призываетъ въ свидѣтели вѣроломства Язона гражданъ, Ѳемиду и Артемиду. «О, будьте прокляты, говоритъ она, дѣти ненавистной (στυγερά) матери! О, да погибнете вы вмѣстѣ съ отцемъ и со всѣмъ домомъ! Да пройдетъ сквозь мою голову небесный пламень! Что за польза оставаться мнѣ въ жизни! Смертію разорву тяжкую мнѣ жизнь. Ты, Ѳемида, и ты, Артемида, будьте свидѣтельницами того, что́ я терплю отъ проклятаго супруга (κατάρχτος πόσις), котораго я обязала сильными клятвами, для котораго я оставила и отца, и родину, для котораго я покинула брата! О если-бы онъ и его невѣста погибли со всѣмъ царскимъ домомъ!» (ст. 47 — 167). Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то искусство и на то глубокое пониманіе душевныхъ страданій и проявленія ихъ, какое высказалъ Еврипидъ въ положеніи Медеи, выводя ее на сцену въ избранную имъ минуту. Мы находимъ Медею въ драмѣ молчащею, сидящею, погруженною въ саму себя. На первыхъ порахъ поступокъ Язона имѣлъ на нее оглушающее впечатлѣніе; онъ поразилъ ее до такой степени, что она не могла ни говорить, ни составить какого-либо опредѣленнаго плана для своихъ дѣйствій; онъ отнялъ у нее всю мыслительную способность, а оставилъ ей только одно жгучее чувство боли и терзанія. Въ такую минуту зритель и читатель слышатъ вопли Медеи. Это первая степень ея страсти:

нѣмая, тяжкая, глухая, парализующая на первыхъ порахъ душевныя силы, и отъ времени до времени производящая въ душѣ острую боль, которая высказывается въ проклятіяхъ, какъ-бы невольно исторгающихся изъ ея души.

Наконецъ Медея выходитъ на сцену. Напряженное вниманіе зрителя, живо затронутое ея положеніемъ, встрѣчаетъ ее уже въ болѣе спокойномъ состояніи: порывы сильнаго и неукротимаго гнѣва улеглись; вопли и стоны притихли; проклятія прекратились, и Медея можетъ уже говорить не одними только восклицаніями, краткими и отрывочными рѣчами, но цѣльною связною рѣчью, исполненною достоинства и спокойствія. Такое положеніе Медеи совершенно естественно: сильные порывы ярости и гнѣва не могутъ быть продолжительны. Какъ послѣ сильной бури въ природѣ наступаетъ тишина: такъ и въ человѣкѣ, увлеченномъ сильною страстію, послѣ взрывовъ страсти наступаетъ минута покоя, когда онъ—либо совершенно изнемогаетъ подъ напоромъ и силою ея и погружается въ нѣмое оцѣпенѣніе, либо начинаетъ вдумываться въ свое положеніе. Въ этомъ послѣднемъ состояніи встрѣчаемъ мы Медею, когда она, вызванная хоромъ, является первый разъ на сцену.

Обращаясь къ Коринѳянкамъ, составляющимъ хоръ въ трагедіи, она говоритъ, что, не желая навлечь на себя ихъ порицанія, она вышла къ нимъ. За-тѣмъ грустными чертами описываетъ свое несчастное положеніе. «Это неожиданное событіе, говоритъ она, лишило меня ума; прелесть жизни для меня исчезла, и одна смерть остается для меня. Тотъ, въ комъ я видѣла

все самое лучшее, мой супругъ, оказался самымъ негоднымъ изъ людей. Изъ всего, что на землѣ имѣетъ душу и жизнь, мы, женщины, самыя несчастныя существа: за деньги мы должны покупать себѣ мужей, владыкъ нашего тѣла; это одно изъ величайшихъ золъ. За-тѣмъ, покупая, мы все-таки не знаемъ—покупаемъ ли мы хорошаго или дурнаго; разводы не приносятъ намъ добраго имени; да мы и не можемъ разводиться съ мужемъ. Тогда только завидна наша жизнь, когда свыкается съ нами мужъ, когда несетъ бремя, не тяготясь имъ; въ противномъ случаѣ—лучше смерть. Мужъ, если тяготится домашнею жизнію, облегчаетъ свое сердце внѣ дома, либо у друзей, либо въ кругу сверстниковъ; мы по необходимости должны смотрѣть на него одного. Правда, мужья говорятъ, что мы въ домахъ ведемъ жизнь безопасную; они же подвергаются опасностямъ войны. Мысль несправедливая. Я лучше согласилась бы трижды выдержать битву, нежели разъ родить». Потомъ, переходя къ собственному положенію сравнительно съ положеніемъ Коринѳянокъ, Медея продолжаетъ: «все-таки твое положеніе и мое — далеко не одинаковы: у тебя есть родной городъ, домъ отца, удовольствія жизни, кругъ друзей; у меня — ничего этого; я, одинокая и безродная, оторванная изъ варварской страны, терплю оскорбленіе отъ моего мужа; у меня нѣтъ ни отца, ни брата, ни роднаго, къ которымъ я могла бы удалиться отъ этого несчастія. Въ тебѣ только нахожу друга; ты будешь молчать, если я найду какое-либо средство отмстить моему мужу, и тому, на чьей дочери онъ женится, и той, на которой онъ женится. Конечно, жен-

щина — робкое существо; она не можетъ смотрѣть на битву и на оружіе; но когда она оскорблена въ правахъ брака, то нѣтъ въ мірѣ существа болѣе мстительнаго» (214 — 266 ст.).

Этотъ монологъ, который я старался передать почти что цѣликомъ, въ высокой степени замѣчателенъ для насъ. Кромѣ того, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ душевному состоянію Медеи, рефлексіи, наступившей для нея послѣ жгучихъ припадковъ тяжкаго несчастія, оскорбившаго ее въ томъ, что было для нея всего дороже, я вижу въ немъ еще справедливый протестъ Греческой женщины въ лицѣ Медеи противъ несправедливаго положенія вообще женщинъ у Аѳинянъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ въ-дѣйствительности было далеко не завидно. Ихъ ничему не учили кромѣ женскихъ работъ — пряжи, тканья, шитья и проч., а въ нѣкоторыхъ семействахъ — чтенію и письму; жизнь ихъ ограничена была исключительно домомъ и семьею; онѣ были окружены исключительно домашнею женскою прислугою и родными; того, что мы называемъ пріятнымъ, полезнымъ и эстетическимъ развитіемъ — чтенія, занятій изящными искусствами онѣ не знали; рѣдко бывали въ сообществѣ съ своими мужьями, которые съ утра до вечера были внѣ дома, увлекаясь потокомъ общественныхъ дѣлъ, и возвращались въ домы только ѣсть и спать, или справлять симпосіоны; бывать въ обществѣ посторонихъ лицъ, подобно нашимъ вечерамъ, собраніямъ, баламъ и проч., считалось неприличнымъ для нихъ; за исключеніемъ праздниковъ, на которыхъ женщины являлись вмѣстѣ съ мущинами, онѣ постоян-

но отдѣлены были отъ нихъ; для женщинъ считалось неприличнымъ выходить на улицу, или на общественныя мѣста безъ слуги или безъ служанки; для нихъ считалось неприличнымъ посѣщать театры, за немногими исключеніями, и общественныя зрѣлища. Понятно, что, при такомъ положеніи женщины, она не пользовалась особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ; при заключеніи браковъ, у ней рѣдко спрашивали объ ея согласіи; родителямъ предоставлялось право дѣлать выборы за своихъ дочерей; о бракахъ по взаимному влеченію, по любви рѣдко могла быть рѣчь; мужъ смотрѣлъ на жену, какъ на свою хозяйку, на свою домоправительницу, а не какъ на свою подругу, дѣлившую съ нимъ горе и радости, помогавшую ему своимъ совѣтомъ и участіемъ, вносившую въ семейную жизнь разнообразіе и прелесть. Разумѣется, бывали исключенія, какъ положительно можно видѣть изъ нѣкоторыхъ мѣстъ дошедшихъ къ намъ Греческихъ писателей. Но все-таки законъ смотрѣлъ на жену, какъ на несовершеннолѣтнюю, и потому все состояніе послѣ мужа, какъ материнское такъ и отцовское, переходило къ сыновьямъ, когда они достигали совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ управлялось опекунами. Жена, уличенная въ нарушеніи супружескихъ обязанностей, подлежала непремѣнно разводу, котораго требовалъ отъ мужа законъ. Жена, напротивъ, не могла требовать развода съ мужемъ, нарушившимъ супружескія обязанности; а если и требовала, то это было сопряжено съ судебными затрудненіями, и рѣдко удавалось. Мужу извинялись многія увлеченія въ семейной жизни, безнравственныя связи внѣ дома, которыя

признавались скорѣе безразсудными и опасными, нежели безнравственными; женщинамъ, напротивъ, ничего не прощалось: всякій проступокъ, всякое увлеченіе ставилось имъ въ вину и падало на нихъ безславіемъ; даже мужъ, остававшійся въ брачномъ союзѣ съ женою, нарушившею супружескія обязанности, подвергался атиміи *. Слѣдовательно, жалобы и сѣтованія Медеи на незавидное положеніе женщинъ вполнѣ справедливы и вытекаютъ изъ дѣйствительности, современной Еврипиду. Это не реторическая прикраса самого поэта, не увлеченіе разгорячennаго воображенія, не резонированіе общихъ мѣстъ, а настоящая дѣйствительность, положительный фактъ.

Возвращаюсь къ Медеѣ. Спокойныя и по видимому холодныя разсужденія, высказанныя Медеею въ приведенномъ нами монологѣ, съ перваго взгляда могутъ показаться мало сообразными съ ея положеніемъ и съ тѣмъ дикимъ отчаяніемъ, подъ вліяніемъ котораго она въ первый разъ обнаруживаетъ участіе свое въ драмѣ. Но, вглядѣвшись внимательно во весь характеръ Медеи, какъ онъ развивается во всей драмѣ, въ ея образъ дѣйствій и въ исполненіе задуманнаго ею плана, надобно признать ее глубоко мстительною женщиною, которая, не смотря на страстность своей натуры, на сильную любовь къ мужу и къ своимъ дѣтямъ, исполняетъ свою месть спокойно и хладнокровно. Эта обдуманная месть, которая совершается въ драмѣ, развивается въ Медеѣ не сразу, но мало-по-малу, сначала въ общемъ стремле-

---

* *Schömann*, Attische Process, 329. *Lelyveld*, De infamia, 171 pag.

нін мстить, а потомъ въ болѣе подробныхъ чертахъ. Медея поняла, что жалобами и сѣтованіями не разжалобить ей мужа, дѣйствовавшаго по разсчету, покидавшаго ее ради выгодъ, предстоящихъ ему отъ новаго брака; она поняла, что слезы и мольбы не помогутъ проигранному ею навсегда дѣлу и не воротятъ утраченной ею любви мужа. Поняв-ши это, она спокойно и хладнокровно рѣшается дѣйствовать. Первыя терзанія горя, жгучія боли оскорбленія она уже выплакала прежде; она знаетъ, что теперь для нея не время жалобъ и слезъ, а время дѣйствія, спокойнаго и обдуманнаго. Поэтому, явившись къ хору, она является уже иною, не раздраженною львицею (λεαίνη ἀποταυρουμένη), безъ проклятій и бѣшеныхъ порывовъ горести, не нѣмою, какъ скала; но спокойно смотрящею на свою жалкую участь и на жалкое положеніе женщинъ вообще. Этотъ монологъ, по нашему, не только не заслуживаетъ упрека въ неестественности, въ холодной реторической фразировкѣ; напротивъ, въ немъ высказывается глубокое пониманіе Еврипидомъ женской натуры; особенно же такого характера, какъ Медея. Одно только считаемъ мы въ этомъ монологѣ неудачнымъ: это начало его (ст. 214—224)—темное, выраженное общими, избитыми сентенціями. Это дѣйствительно недостатокъ, общій Еврипиду, и часто у него повторяющійся; онъ дѣйствительно любитъ, въ своихъ драмахъ, влагать въ уста дѣйствующимъ лицамъ свои собственныя общія мысли *.

---

* *Welcker*, Griechische tragoedie, II, 643 sqq. — *Schöll*, Leben des Sophokles, 80 not. 46.

Изъ устъ самой Медеи мы слышали о мщеніи, которое она замыслила своимъ врагамъ; но въ чемъ оно будетъ состоять, для зрителя и читателя еще неизвѣстно. Планъ мщенія еще невполнѣ созрѣлъ въ ея душѣ; она хорошо понимаетъ, кому она должна мстить; она сама указываетъ на предметы своего мщенія: на Язона, царя Креона и на невѣсту; но какъ она отомститъ имъ и когда совершится мщеніе — она еще ничего не говоритъ. То и другое ускоряетъ самъ Креонъ, царь и отецъ невѣсты, который является на сцену тотъ-часъ же послѣ разобраннаго нами монолога. Онъ пришелъ объявить Медеѣ, чтобы она немедленно удалялась изъ страны съ своими дѣтьми. «Говоря откровенно, я боюсь, чтобы ты не сдѣлала какого-нибудь неисправимаго зла моей дочери. Ты умна и хитра; ты знакома со многими кознями; тебѣ жаль мужа, котораго у тебя отняли; слышу, ты грозишь мнѣ, женихуи невѣстѣ. Вотъ это и заставляетъ меня удалить тебя; лучше теперь подвергнуться твоей ненависти, нежели, смягчившись, послѣ жалѣть» (282—291). Это приказаніе застаетъ Медею въ-расплохъ; она еще не рѣшилась, что и какъ сдѣлать для отмщенія своимъ врагамъ, и вотъ видитъ, что можетъ потерять всякую возможность совершить его когда-либо. Кромѣ новой обиды, сопряженной съ этимъ изгнаніемъ, съ нимъ вмѣстѣ разрушаются всѣ ея замыслы, о которыхъ она только-что сообщила хору. Но Медея не потерялась. Не даромъ Креонъ назвалъ ее хитрою и умною: дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ она такою и является. По видимому она выслушиваетъ спокойно предложеніе Креона; она не показываетъ ни

особеннаго раздраженія, ни страстныхъ увлеченій; ни малѣйшимъ намекомъ, ни однимъ неосторожнымъ словомъ она не указываетъ Креону на свои замысли. Съ непритворною въ ея положеніи горестію и сожалѣніемъ, но съ притворнымъ смиреніемъ и кротостію говоритъ она: «не теперь только въ первый разъ, но часто и прежде вредило мнѣ высокое мнѣніе (μεγάλα δόξα) обо мнѣ и принесло мнѣ много золъ. Я умна, и однакожъ однимъ я ненавистна, для другихъ несносна: нѣтъ, не слишкомъ я умна! И ты напрасно боишься меня: изъ-за чего я стану дѣлать тебѣ зло. Не ты мнѣ ненавистенъ, но мой мужъ. Ты выдаешь свою дочь, за кого тебѣ нравится, и, думаю, ты поступаешь благоразумно. Не завидую, что твои дѣла идутъ удачно: сватайтесь, живите счастливо и хорошо; но оставьте меня жить въ этой странѣ; хоть и обиженная, я буду молчать, я буду повиноваться сильнѣйшимъ». Креонъ не вѣритъ ея словамъ и остается непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи; и наконецъ, когда она настоятельнѣе стала просить его позволить ей остаться въ его странѣ, онъ погрозилъ ей выслать ее насильно изъ нея. Медея и въ этомъ случаѣ осталась вѣрною своей сдержанности: она отказывается отъ желанія навсегда остаться въ этой странѣ; она проситъ теперь позволить ей остаться тутъ одинъ день, чтобы подумать, куда удалиться и гдѣ найдти убѣжище дѣтямъ, отъ которыхъ отказывается отецъ. «Сжалься, по-крайней-мѣрѣ надъ ними, говоритъ она Креону; ты самъ отецъ; ты не можешь остаться нечувствительнымъ къ положенію ихъ; не о себѣ забочусь; объ ихъ несчастной долѣ горюю».

Креонъ соглашается; но прибавляетъ: «если слѣдующій день застанетъ тебя въ этой странѣ, ты умрешь». (271 — 357).

Такимъ образомъ Медея достигла отчасти своей цѣли: она имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый день; при рѣшимости, изворотливости и твердомъ намѣреніи, она съумѣетъ отлично воспользоваться этимъ днемъ для совершенія своихъ замысловъ. Передъ хоромъ, съ которымъ она остается на сценѣ послѣ ухода Креона, она не таится; она снимаетъ передъ нимъ маску притворства, которую набросила на себя во время разговора съ Креономъ. Въ монологѣ къ хору она говоритъ смѣло и откровенно, отчасти потому, что на молчаніе его она вполнѣ полагается, а отчасти и потому, что намѣренія ея уже сложились, что колебанія у нея нѣтъ, что твердо и рѣшительно стремится она къ предположенной цѣли: «кругомъ несчастіе, что и говорить! Но, повѣрьте мнѣ, этимъ не кончится: много еще борьбы придется испытать этой молодой парѣ, немалыя страданія ждутъ родню ея. Ты думаешь, я стала бы льстить этому человѣку, если-бы я не имѣла въ виду никакой выгоды, никакой хитрости? Нѣтъ я не сказала бы ему ни слова, я не стала бы молить его. А онъ до такой степени глупъ (ἐς τοσοῦτον μωρίας ἀφίκετο), что, когда могъ, изгнавши меня изъ этой страны, уничтожить мои замыслы, онъ позволилъ мнѣ пробыть здѣсь цѣлый день, въ продолженіи котораго я погублю трехъ моихъ враговъ, отца, невѣсту и моего мужа» (364 — 375). Для этой-то цѣли, чтобы совершить свои кровавые замыслы, она льстила Креону, обнимала его

ноги, молила его чувствами отца позволить ей остаться еще одинъ день. Креонъ попался въ ея сѣти. И теперь, какъ естественна въ устахъ ея насмѣшка надъ нимъ? Какимъ глубокимъ презрѣніемъ, или точнѣе, злорадствомъ отзываются стихи 371 — 375! Они вполнѣ естественны въ ея положеніи; она уже уносится мыслію впередъ къ совершенію замысловъ; сердце ея бьется радостію отъ удачнаго обмана и метитъ за свое униженіе презрительною насмѣшкою, которая и высказалась въ словахъ: *ὁ δ' ἐς τοσοῦτον μωρίας ἀφίκετο.*

Обнаруживши передъ хоромъ свое намѣреніе умертвить своихъ враговъ, она останавливается на размышленіи — какимъ путемъ, самымъ лучшимъ и надежнымъ, можетъ она достигнуть исполненія своихъ замысловъ: «много у меня, мои милыя, смертоносныхъ для нихъ дорогъ, и не знаю, какую прежде всего избрать: зажечь ли свадебный домъ, или, пробравшись тайкомъ въ брачную комнату, вонзить острый мечъ имъ въ грудь? Но одно меня останавливаетъ: что, если схватятъ меня въ ту минуту, когда буду пробираться въ домъ, чтобы совершить мой замыселъ? Тогда, умирая, послужу имъ предметомъ смѣха. Лучше всего пойдти по прямой дорогѣ, наболѣе мнѣ знакомой, — убить ихъ ядомъ. Положимъ — такъ; положимъ, они уже умерли: какой-же городъ приметъ меня? какой другъ (*ξένος*) предложитъ мнѣ безопасную страну и вѣрный домъ, и защититъ мое тѣло? У меня нѣтъ никого!» (376 — 388). Вспомнивши о томъ, что у ней никого нѣтъ, у кого бы она могла укрыться, она рѣшается подождать еще нѣсколько времени и, если представится какое-либо надежное

убѣжище, совершить задуманное убійство коварно и тайно (δόλῳ μέτειμι τόνδε καὶ σιγῇ φόνον), чтобы, разумѣется, спастись самой; если же неумолимая судьба (ξυμφορὰ ἀμήχανος, inevitabilis fortuna) не перестанетъ гнать ее, то она рѣшается на самый отважный поступокъ: умертвить ихъ мечемъ, хоть-бы и самой пришлось умереть! (389 — 393). Вдумываясь въ способъ убійства, Медея незамѣтно увлекается, если можно такъ выразиться, опьяненіемъ преступленія; чувство жестокости и почти звѣрской радости, до сихъ поръ сдерживаемое, пробуждается въ ней: «клянусь Гекатою, восклицаетъ она, моею владычицею, которую я чту болѣе всѣхъ, которую избрала я помощницею, которая обитаетъ въ моемъ жилищѣ, клянусь Гекатою, ни одинъ изъ нихъ не порадуется тому, что огорчилъ мое сердце. Плачевною и горестною для нихъ сдѣлаю свадьбу, плачевнымъ родство и мое изгнаніе изъ страны. Смѣло, Медея, не жалѣй ничего изъ твоихъ знаній! Смѣло, на отважное дѣло! Покажи свое мужество! Смотри, что ты терпишь! Нѣтъ, не дайся въ насмѣшку и поруганіе этому браку Язона съ отраслію Сизифа, ты, произшедшая отъ славнаго отца Гелiоса» (394 — 405). Такимъ образомъ планъ мщенія совершенно сложился въ душѣ Медеи; но мы должны замѣтить, что это еще неполный и окончательный планъ; впослѣдствіи онъ подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ, именно: при совершеніи его она не убиваетъ своего мужа, какъ здѣсь выразила. При всемъ томъ, мы не думаемъ, что на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на противорѣчіе въ произведеніи Еврипида. При душевномъ состояніи Медеи, вполнѣ естественны измѣ-

ненія въ ея намѣреніяхъ; одно только было неизмѣннымъ въ ея стремленіи: это — жажда мести непримиримой и неумолимой. Всѣ средства, дѣлавшія месть наиболѣе чувствительною Язону, были совершенно въ духѣ и характерѣ Медеи: чѣмъ сильнѣе обрушивалась месть на него, тѣмъ желаннѣе для нея была она; чѣмъ больнѣе могло быть растерзано сердце его, тѣмъ больше удовлетворялась она; чѣмъ глубже и неизлечимѣе могла быть поражена душа его, тѣмъ пріятнѣе было ей. По этому, оставаясь вѣрною основной мысли, Медея, ни сколько не противорѣча себѣ, измѣняетъ подробности окончательнаго исполненія, смотря по обстоятелвствамъ, сопровождающимъ развитіе драмы. Такимъ образомъ виолнѣ естественно, что Медея съ самаго начала и прежде всего обратила свою месть на мужа, какъ на виновника своего несчастія; но потомъ, вдумываясь въ нее, развивая ее болѣе и болѣе и увлекаясь ею, она, ни сколько не противорѣча себѣ, подвергаетъ измѣненіямъ первоначальный свой планъ. Я даже думаю, что это видимое и предполагаемое нѣкоторыми противорѣчіе въ Еврипидѣ, скорѣе можетъ доказывать противное, именно то, что трагикъ глубоко и вѣрно понималъ натуру сильныхъ страстей, не созрѣвающихъ сразу, но развивающихся постепенно.

Не за это мнимое противорѣчіе можно попрекнуть Еврипида въ приведенномъ нами монологѣ; но за другое, именно: за окончаніе самаго монолога, за послѣдніе три стиха, въ которыхъ говоритъ Медея: «мы, женщины, таковы уже по природѣ: къ доброму мы не способны, а на всякаго рода зло мы особенно умны!». Эти

слова странно звучатъ въ устахъ Медеи: они отзываются общею сентенціею, какихъ не мало у Еврипида и какими онъ нерѣдко портитъ лучшіе свои монологи. Кромѣ того, эти слова относятся къ тѣмъ мѣстамъ Еврипида, на основаніи которыхъ навязываютъ нѣкоторые ему ненависть къ женскому полу и объясняютъ ее отчасти мрачнымъ, немодимымъ характеромъ его (*στρυφνὸς καὶ μισογέλως*. Alex. Aetol. a. Gell. X, 20, 8.), а отчасти несчастіями его въ брачной жизни, которая ему неудалась, и въ которой онъ изъ двухъ женъ съ одною, Хэриллою, принужденъ былъ развестись за ея невѣрность, а другая, Мелито, сама оставила его (*μισογύνης*. Athen. XIII, 5, 82). Мы думаемъ, что это мнѣніе объ Еврипидѣ—узко и несправедливо: если-бы дѣйствительно Еврипидъ былъ проникнутъ такою ненавистію къ женскому полу, какую предполагаютъ въ немъ: то едва-ли могъ бы создать такіе свѣтлые женскіе типы, какіе мы видимъ въ его Алькестѣ, Андромахѣ, Поликсенѣ, Ифигеніи и Макаріи. Горячія и подъ-часъ злыя выходки Еврипида противъ женщинъ гораздо вѣрнѣе можно объяснить не ненавистію его къ женскому полу, не угрюмымъ характеромъ его, а общимъ разложеніемъ тогдашняго Греческаго міра, которое отразилось и на упадкѣ браковъ, а слѣдовательно и на униженіи женщины.

Возвращаюсь къ Медеѣ. Такимъ образомъ Медея окончательно рѣшилась исполнить свой замыселъ; наступившее было колебаніе при мысли, какимъ путемъ достигнуть исполненія задуманнаго замысла, тоже прекратилось. Теперь она убьетъ либо ядомъ, либо мечемъ

царя, его дочь и Язона: на этомъ, по-крайней-мѣрѣ, она остановилась изъ всѣхъ путей, пришедшихъ ей въ голову; оставалось ей только немедленно приступить къ исполненію своего рѣшенія. Но поэтъ замедляетъ его на нѣкоторое время свиданіемъ Медеи съ своимъ мужемъ Язономъ. Эта превосходная сцена была необходима въ общемъ ходѣ драмы: она больше уяснила взаимныя отношенія между Язономъ и Медеею. О Язонѣ до сихъ поръ мы слыхали только изъ устъ самой Медеи; до сихъ поръ мы не видали еще Язона на сценѣ; все, сказанное Медеею въ обвиненіе его, недостаточно для полнаго уясненія ненависти ея къ нему. Зритель и читатель остаются неудовлетвореннымъ: они выслушали только одну сторону враждующихъ; въ душу того и другаго легко можетъ запасть сомнѣніе, что, быть можетъ, сама Медея была первою причиною разрыва съ Язономъ и его поступка; подъ вліяніемъ подобнаго сомнѣнія на ихъ отношенія зритель и читатель не въ состояніи надлежащимъ образомъ понять дальнѣйшаго развитія дѣйствій Медеи. Поэтому нужно было сопоставить обоихъ лицомъ къ лицу, чтобы они высказались яснѣе; нужно было, выслушавши одну сторону, обвиняющую Медею, выслушать и другую, обвиняемаго Язона. Еврипидъ такъ и сдѣлалъ: съ этою-то цѣлію ввелъ онъ предлагаемую сцену.

Видно, что Язонъ съ тѣхъ поръ, какъ женидьба его на царевнѣ была рѣшена и сдѣлалась гласною, не видѣлся еще съ Медеею, и теперь это первое между ними свиданіе послѣ окончательнаго разрыва. Можно судить, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвесть на

Медею Язонъ своимъ появленіемъ передъ нею. Медея * сдѣлала для него слишкомъ много: она пожертвовала для него своими родственными отношеніями, бросила свою родину, помогала ему во всѣхъ его цѣляхъ; однимъ словомъ—высказала самую глубокую привязанность къ нему, скрѣпленную теперь дѣтьми. Не смотря на все это, онъ бросаетъ ее, и мало того что бросаетъ, ее изгоняютъ изъ государства, чтобы избавить отъ опасности его самого, его невѣсту и отца ея, и при всемъ томъ онъ рѣшается еще явиться къ ней на-глаза. Уже одно появленіе Язона должно было сильно возмущать

---

* Въ Греческихъ легендахъ слѣдующимъ образомъ разсказывается о связи Язона съ Медеею. Язонъ, послушавшись убѣжденій своего хитраго дяди, Пелея, отправился въ Колхиду съ Греческими героями, чтобы добыть тамъ золотое руно. По пріѣздѣ его сюда, Медея, младшая дочь Колхидскаго царя, горячо полюбила молодаго героя и самымъ усерднымъ образомъ помогала ему достигнуть предположенной цѣли. Колхидскій царь Ээтъ (Αἰήτης) обѣщалъ ему отдать золотое руно, если только онъ вспашетъ посвященное Аресу поле мѣдно-копытными, огнемъ пышущими волами и засѣетъ его зубами дракона. Медея, спасая Язона отъ грозившей ему бѣды, снабдила его мазью, которая предохраняла его отъ огня, извергаемаго быками, и научила его, какъ запречь ихъ въ плугъ. Кромѣ того, руководимый ея наставленіями, онъ напередъ уже зналъ, что изъ засѣяннаго имъ поля взойдутъ вооруженные люди, которые бросятся на него; но, предупреждая ихъ нападеніе, онъ, по указанію Медеи, долженъ былъ бросить между ними камень, послѣ чего они начнутъ драться между собою и истребятъ другъ друга. Эту услугу Язонъ скрѣпилъ обѣщаніемъ жениться на Медеѣ. Такимъ образомъ Язонъ исполнилъ предложенное ему условіе Ээтомъ. Однако Колхидскій царь и не думалъ возвращать ему золотаго руна, а напротивъ—хотѣлъ еще истребить всѣхъ Аргонавтовъ. Тогда Медея повела ночью Язона въ лѣсъ, окруженный семью стѣнами, за которыми

душу Медеи; но еще болѣе возмущаютъ ее слова его. Вмѣсто того, чтобы оправдываться передъ Медеею, чего она въ-правѣ была ожидать отъ него, Язонъ самъ обвиняетъ ее. «Не теперь въ первый разъ замѣтилъ я, но часто и прежде замѣчалъ, что сильная раздражительность — непреодолимое зло. Тебѣ можно было бы остаться въ этой странѣ и въ этомъ домѣ, если-бы ты умѣла слушаться совѣтовъ сильнѣйшихъ людей, а теперь за твои глупыя рѣчи изгоняютъ тебя. Мнѣ мало нужды въ томъ, что ты не переставала говорить, что Язонъ — самый дурной мужъ; но за то, что ты сказала

хранилось золотое руно; усыпила дракона, стерегшаго его и, завладѣвши имъ, поспѣшила вмѣстѣ съ Язономъ на корабль Арго, захвативъ при этомъ съ собою и своего маленькаго брата, Абсирта. Когда Эитъ сталъ преслѣдовать бѣглецовъ, то Медея, чтобы задержать отца на дорогѣ, разсѣкла брата на части, разбросала ихъ по морскому берегу, а голову и руки покинула на высокой скалѣ, на видномъ мѣстѣ, гдѣ бы могъ замѣтить ихъ отецъ и, занявшись собираніемъ, далъ бы время удалиться изъ страны Аргонавтамъ и Медеѣ. На возвратномъ пути, Язонъ исполнилъ свое обѣщаніе и женился на ней. По возвращеніи въ Іолкосъ, Язонъ вручилъ Пеліасу золотое руно. Но такъ-какъ Пеліасъ не возвращалъ ему, какъ обѣщалъ, престола, то Язонъ обратился опять за помощью къ Медеѣ и просилъ ее пособить ему отмстить Пеліасу. Орудіями мщенія она употребила дочерей его: въ присутствіи ихъ она разрубила на части стараго барана, сварила его и, при помощи колдованій, обратила его въ живаго ягненка. Этимъ она убѣдила ихъ въ возможности сдѣлать молодымъ старика отца ихъ; онѣ рѣшились тоже разрубить отца и сварить въ котлѣ; но отецъ не только не помолодѣлъ, но и не ожилъ. Изгнанные за это изъ Іолкса, Язонъ и Медея отправились въ Коринѳъ, гдѣ и выводитъ ихъ на сцену трагедія. Подробности этой легенды разсказываются еще иначе. См. Die Mythologie der Griechen von *Konr. Schwenke*. Frankf. a. M. 1843. 1 Theil, 438 sqq.

о властителяхъ, ты расплачиваешься теперь изгнаніемъ (κέρδος ἦγον). Я всегда старался смягчить гнѣвъ раздраженныхъ на тебя властителей и хотѣлъ, чтобы ты осталась здѣсь; но ты не покидала своей глупости, ты всегда говорила дурно о нихъ; за то теперь и выгоняютъ тебя. При всемъ томъ я постоянно помышлялъ о друзьяхъ (οὐκ ἀπειρηκὼς φίλους); заботясь о тебѣ, жена, я пришелъ сюда, чтобъ ты не была изгнана безъ всего. Изгнаніе приноситъ съ собою много золъ, и хоть ты ненавидишь меня, однакожъ я не могу желать тебѣ зла» (447 — 464). Само собою разумѣется, такія слова, исполненныя притворства и лжи, холоднаго и разсчетливаго эгоизма, не могли успокоить Медею, не могли примирить ее съ ея положеніемъ и смягчить наболѣвшую ея душу. Упреки Язона, сваливающаго на Медею собственную вину, должны были отозваться новою болью въ душѣ ея. Ни одного слова истиннаго участія къ ней за всѣ ея жертвы, ни одного намека на горесть или, по-крайней-мѣрѣ, на сожалѣніе о разлукѣ съ нею, ни одной ласки и привѣта къ разбитому сердцу супруги, глубоко преданной ему, — все это должно было лечь тяжкимъ камнемъ на раздраженное состояніе ея духа. Каждое слово Язона проникнуто безстыдствомъ неправды, терзающей такъ глубоко оскорбленную душу Медеи; каждое слово пропитано безсовѣстною наглостію, которая сознаетъ свою силу и нещадитъ слабѣйшаго; въ каждомъ словѣ Язона виденъ низкій эгоистъ, который холодно, безжалостно мучитъ и безъ того уже измученное сердце Медеи. Чѣмъ же могла отвѣчать ему Медея, гордая Медея? Разумѣется,

величайшимъ презрѣніемъ, выраженнымъ самыми рѣзкими словами. Но чтобы выставить неблагодарность Язона въ болѣе яркомъ свѣтѣ, Медея припоминаетъ ему всѣ благодѣянія, сдѣланныя ею для него. Монологъ Медеи исполненъ высокихъ драматическихъ красотъ, и потому я привожу его почти-что цѣликомъ. «О, презрѣннѣйшій, увы, не знаю другаго слова, чтобы выразить твою робкую низость (ἀνανδρία), такъ это ты пришелъ ко мнѣ, ты, мой злѣйшій врагъ? Вѣдь это не мужество и не смѣлость, если кто-нибудь, сдѣлавъ своимъ друзьямъ зло, смотритъ прямо имъ въ глаза; вѣдь это безстыдство, величайшее зло изъ всѣхъ золъ между людьми! Но ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Высказавши тебѣ все, я облегчу мою душу, и ты, слушая меня, заболишь сердцемъ. Начну съ самаго начала. Я спасла тебя, какъ знаютъ то Греки, бывшіе съ тобою на кораблѣ Арго, когда тебѣ нужно было обуздать огнемъ пышущихъ быковъ и взорать ими смертоносное поле. Я убила дракона, что̀, никогда не зная сна, стерегъ золотое руно, обвивъ его своими кольцами, и тѣмъ озарила тебя свѣтомъ спасенія. Покинувъ отца и родной домъ, я, безразсудная, отправилась съ тобою въ Іолкосъ, въ Пеліотиду; я умертвила Пеліаса самою плачевною смертію, руками его дочерей, и избавила тебя отъ страха. И ты, презрѣннѣйшій изъ людей, обязанный мнѣ столькими благодѣяніями, бросилъ меня и, имѣя дѣтей, затѣялъ новый бракъ. Еще бы можно простить тебѣ, если-бы ты былъ бездѣтенъ. Твои клятвы въ вѣрности разсыпались; не знаю, не думаешь ли, что боги, правившіе тогда міромъ, теперь

уже не правятъ имъ; что теперь между людьми иные законы, а не тѣ, что̀ были тогда, потому-что ты, сознавая, нарушилъ данную клятву. Сколько разъ ты, презрѣннѣйшій, сжималъ эту руку! Сколько разъ обнималъ мои колѣна! И теперь ты обманулъ меня, лишилъ меня надеждъ! Куда-же теперь я пойду? Не въ домъ ли отца, не на родину ли, которыми я пожертвовала для тебя? Не къ несчастнымъ ли дочерямъ Пеліаса? Безъ сомнѣнія, прекрасно онѣ примутъ меня, убійцу ихъ отца! Вотъ каково мое положеніе: стариннымъ моимъ друзьямъ я стала ненавистна; тѣмъ, кому не слѣдовало мнѣ дѣлать зла, я, изъ любви къ тебѣ, сдѣлалась врагомъ! Да, за все это ты далъ мнѣ счастіе, которому позавидуетъ вся Греція! И я, несчастная, найду въ тебѣ чуднаго и вѣрнаго мужа, когда, изгнанная изъ этой страны, пойду скитаться одна, безъ друзей, съ дѣтьми только. Прекрасная слава пойдетъ о тебѣ, молодомъ женихѣ, когда я, спасшая тебя, и твои дѣти будемъ скитаться нищими» (465 — 520).

На эти упреки, которыми, какъ говоритъ сама Медея, она облегчила свою душу (*κουφισθήσομαι ψυχήν*, 473), въ которыхъ она дѣйствительно высказала все, что должно было затронуть другую, менѣе эгоистическую личность, нежели Язонъ, онъ отвѣчаетъ совершенно такъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ такой холодной и разсчетливой натуры. Видно, что слова Медеи нисколько не тронули его; напоминаніе о благодѣяніяхъ нисколько не пробудило въ немъ угрызеній совѣсти; картина скитальческой жизни Медеи и его дѣтей нисколько не пробудила въ немъ чувства состраданія къ нимъ; онъ

остается столько-же спокоенъ, даже еще спокойнѣе, чѣмъ тогда, когда пришелъ только къ Медеѣ; языкъ его дѣлается самоувѣреннѣе и говорливѣе; онъ входитъ совершенно въ свою роль, и, какъ безстыдный эгоистъ, думающій прикрыть словами свой низкій поступокъ, онъ дѣлается сладкорѣчивъ и многословенъ, а между-тѣмъ ее же обвиняетъ въ необузданной болтливости, отъ которой слѣдуетъ ему бѣжать (ὑπεκδραμεῖν τὴν σὴν στόμαργον γλωσσαλγίαν). Стóитъ только вчитаться въ его слова (522—575), чтобы выразумѣть, какъ глубоко-вѣрно понялъ Еврипидъ эту натуру, и какъ мастерски передалъ его изворотливую, многословную рѣчь. Оправдываясь передъ нею, онъ говоритъ, что она слишкомъ преувеличиваетъ свое благодѣяніе: «единственною спасительницею моею была Киприда; она вдохнула въ тебя любовь ко мнѣ; и вотъ эта-то любовь и заставила тебя позаботиться о моемъ спасеніи. Впрочемъ, за мое спасеніе ты получила отъ меня гораздо болѣе благодѣяній: ты живешь теперь въ Греціи, а прежде жила въ грубой и необразованной странѣ, теперь ты живешь подъ защитою правосудія и законовъ, а прежде ты знала только право сильнаго; твой умъ сталъ извѣстенъ всѣмъ Грекамъ и ты пользуешься славою; а если-бы ты жила на краю свѣта, никто бы не зналъ о тебѣ. Твои упреки мнѣ за новый бракъ тоже несправедливы: я поступаю въ этомъ случаѣ, какъ человѣкъ умный (σοφός), какъ другъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ. Выслушай спокойно. Когда я, влача съ собою множество неотвязныхъ бѣдъ (ἐφέλκων ξυμφορὰς ἀμηχάνους), пришелъ сюда, что̀ могъ я выдумать удачнѣе для себя, какъ мнѣ, бѣглецу, же-

ниться на дочери царя? Я женюсь не потому, что ты мнѣ надоѣла, какъ ты, терзая меня, твердишь (κνίζει), не потому, что увлекаюсь молодою невѣстою, не потому, что я хотѣлъ бы больше дѣтей, — довольно и тѣхъ, что уже родились; но я женюсь для того, чтобы жить намъ хорошо, чтобы не нуждаться, чтобы отъ насъ, бѣдняковъ, не бѣгали друзья, чтобы воспитать дѣтей, какъ прилично моему дому, чтобы, если будутъ у меня еще дѣти, братья твоимъ дѣтямъ, поставить и твоихъ дѣтей въ одинаковое положеніе, и чтобы, соединивши родъ во едино, жить счастливо. Скажи, развѣ я на зло вамъ заботился? И ты не сказала бы этого, если-бы не мучила тебя ревность» (522 — 569). Это, искусно и сладкорѣчиво составленное защищеніе и оправданіе, нисколько не оправдало Язона въ глазахъ Медеи, которая понимала его насквозь; и потому она сама говоритъ: «одно слово уничтожитъ (ἓν ἐκτενεῖ σ' ἔπος) тебя, т. е. разрушитъ твои доводы, такъ ловко прибранные тобою въ своемъ оправданіи; если-бы ты честно думалъ, то ты долженъ бы былъ заключить новый союзъ не безъ моего вѣдома, не тайно отъ друзей». Всѣ доводы и убѣжденія Язона не могли уничтожить однажды запавшаго въ душу Медеи мнѣнія, что Язонъ ищетъ новаго брака съ молодою Гречанкою потому, что бракъ съ иноземкою казался ему на старости лѣтъ не довольно почетнымъ. Однимъ словомъ, сколько ни силился Язонъ доказать ей обоюдную пользу своего новаго брака, всѣ усилія его были напрасны: доказательства его служили только ей поводомъ къ новымъ жалобамъ и упрекамъ; въ его словахъ она видѣла только новыя оскорбленія и при-

нимала ихъ, какъ невыносимое терзаніе. И потому, когда Язонъ восклицаетъ: «зову во свидѣтели боговъ, что я желаю доставить все тебѣ и твоимъ дѣтямъ, что ты отвергаешь все это, своимъ упрямствомъ отталкиваешь отъ себя своихъ друзей; тѣмъ хуже для тебя; — она прерываетъ его слѣдующими словами: «ступай! тебя увлекаетъ страсть къ молодой невѣстѣ; ты долго не видалъ ее; женись на ней; быть можетъ, ты пожалѣешь объ этомъ бракѣ». Вообще вся эта сцена между Медеею и Язономъ (446 — 626) есть мастерское произведеніе Еврипида, который особенно любитъ вставлять въ свои драмы подобныя сцены споровъ, быть можетъ потому, что онѣ представляютъ много случаевъ къ горячимъ выходкамъ, страстнымъ увлеченіямъ, живымъ развитіямъ внутреннихъ помысловъ и къ художественнымъ рѣчамъ. Для насъ онѣ теряютъ много существеннаго и естественнаго, потому-что мы живемъ при другихъ условіяхъ и обычаяхъ общества. Для Аѳинянъ же подобныя сцены, кромѣ своего психическаго значенія, кромѣ сообразности съ характерами изображаемыхъ въ трагедіи лицъ, живо напоминали судебныя состязанія, такъ любимыя Аѳинянами, борьбу правды съ ложью, невинности съ преступленіемъ, разныхъ ухищреній кляузы съ открытою простотою. Дѣйствительно, эти рѣчи съ своими отвѣтами и возраженіями, это ловкое сопоставленіе доказательствъ и опровергающихъ ихъ, противоположныхъ имъ доводовъ, эта борьба на словахъ были исполнены для Аѳинянъ животрепещущей дѣйствительности, совершенно потерянной для насъ. — При всемъ томъ, цѣль, съ которою прихо-

дилъ Язонъ къ Медеѣ, не была достигнута; примиренія между ними не послѣдовало; Медея не была убѣждена его словами; они не произвели на нее благотворнаго успокоенія, не убѣдили ее покинуть свой кровавый замыселъ; напротивъ, еще болѣе раздражили ее, и она тотчасъ приступила бы къ осуществленію задуманнаго ею замысла, если-бы появленіе на сцену Эгея, Аѳинскаго властителя, не замедлило его на нѣкоторое время.

Эгей, Аѳинскій властитель, возвращаясь отъ древняго прорицалища бога Фэба, зашелъ въ Коринѳъ, гдѣ и встрѣтилъ Медею. Онъ разсказалъ ей, что ходилъ къ Фэбу просить себѣ у бога дѣтей, а въ Коринѳъ заѣхалъ потому, что ему нужно увидѣться здѣсь съ Питтевсомъ, человѣкомъ богобоязненнымъ и мудрымъ, которому онъ долженъ сообщить оракулъ. Прощаясь, Эгей замѣтилъ, что глаза у Медеи впали и она сама похудала, и потому, спрашиваетъ, что̀ это значитъ. Она кратко передаетъ ему свое горе и, упавъ на колѣни, молитъ его сжалиться надъ нею и принять ее въ свою землю. За это обѣщаетъ ему такъ подѣлать, что у него будутъ дѣти. Эгей охотно соглашается принять ее въ свои владѣнія, но только съ тѣмъ условіемъ, если она сама прійдетъ къ нему. Медея, желая крѣпче обезпечить себя, требуетъ отъ него клятвы. Эгей клянется землею, солнцемъ и всѣми богами, что исполнитъ то, чего она требуетъ, т. е. что никогда не изгонитъ ее изъ своей страны, что, пока живъ, не позволитъ никому изъ ея враговъ насильно исторгнуть ее изъ его владѣній (663 — 758).

Эта сцена подвергалась многимъ упрекамъ, начиная съ древнихъ временъ. Уже Аристотель порицалъ появленіе Эгея, ни чѣмъ не обусловленное (Poëtic. c. 25, 19.). Это порицаніе со стороны Аристотеля, ученѣйшаго Грека, имѣвшаго у себя подъ руками для сравненія произведенія всѣхъ Греческихъ драматиковъ, обладавшаго тактомъ глубокаго критика и яснымъ пониманіемъ древнихъ произведеній, имѣетъ значительный вѣсъ. Дѣйствительно, надобно сознаться, что появленіе Эгея ни чѣмъ не обусловлено въ драмѣ: Эгей явился, какъ deus ex machina, такъ часто употреблявшійся въ Еврипидовыхъ драмахъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ драматическихъ затрудненій, которыхъ разрѣшить самъ трагикъ либо дѣйствительно не могъ, либо не хотѣлъ. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, мы не можемъ не замѣтить, что появленіе Эгея, или кого-бы-то ни было въ родѣ его, было необходимо въ драмѣ. Медея, замыслившая страшное мщеніе, тогда-только вполнѣ достигала своей цѣли, когда, совершивъ мщеніе, она сама оставалась живою. Цѣль мщенія Медеи состояла не въ томъ, какъ мы увидимъ, чтобы только погубить своего мужа, его тестя и невѣсту, какъ она прежде замышляла; но въ томъ, чтобы, погубивъ Креона, его дочь и своихъ дѣтей, и оставшись въ живыхъ, навсегда разрушить то счастіе, къ которому стремился Язонъ, и о которомъ онъ самъ ей говорилъ въ приведенномъ нами монологѣ, навсегда уничтожить въ немъ мечты и надежды на спокойную жизнь, вдали отъ всякихъ нуждъ, о которой онъ толковалъ ей тамъ-же, навсегда убить въ его душѣ всякую возможность покоя и счастія и навсегда

оставить въ немъ живую память о томъ, что она, виновница страшнаго несчастія, осталась и остается въ живыхъ. Одно только убійство Язона, его тестя и невѣсты не могло вполнѣ удовлетворить Медею, страстно любившую мужа, для любви къ нему совершившую столько преступленій, пожертвовавшую отцомъ, родиною и родственными отношеніями. Душа ея, глубоко оскорбленная Язономъ, сильно наболѣвшая отъ терзавшихъ ее чувствъ, не могла быть удовлетворена одною только физическою смертію Язона, прекращающею разомъ съ бытіемъ и всякое воспоминаніе о протекшемъ, о привязанностяхъ, о враждѣ и злобѣ; ей нужно было такое наказаніе, которое равносильно было бы оскорбленію, которое помнилъ бы Язонъ всю жизнь, которое было бы присуще его душѣ день и ночь, какъ присуща была ей боль разрыва съ нимъ, своимъ любимымъ мужемъ. Вотъ такое только наказаніе могло вполнѣ удовлетворить ее: но оно тогда-только дѣйствительно наставало, когда Медея, совершивъ мщеніе, могла остаться въ живыхъ. Воспоминаніе о томъ, что виновница всѣхъ несчастій, поразившихъ Язона, разрушившихъ навсегда то зданіе спокойствія и довольства, о которомъ онъ съ такимъ самодовольствомъ говоритъ, живетъ и безопасна отъ его мщенія, такое воспоминаніе дѣйствительно должно было оставаться въ сердцѣ его острымъ ножемъ, ѣдкимъ и горькимъ чувствомъ, которое должно было портить всю отраду въ жизни, какая только возможна еще была для него. Мнѣ кажется узкимъ взглядъ тѣхъ писателей, которые признаются, что они не могутъ связать той тоскливой заботы

о собственной жизни, съ какою Медея упрашиваетъ Эгея дать ей убѣжище у себя и даже обязываетъ его клятвою, съ тою смѣлою рѣшительностію, съ тою самоувѣренностію, какія она высказываетъ въ прежнихъ сценахъ. Мы думаемъ объ этомъ иначе. Мы думаемъ, что Еврипидъ глубоко понялъ душу Медеи, и потому ввелъ эту сцену. Медеи нужно не собственное избавленіе: моля Эгея о покровительствѣ, она молитъ его не ради своей жизни; она понимаетъ, что, съ убіеніемъ своихъ дѣтей, она убиваетъ навсегда и всю радость своей собственной жизни, что смерть дѣтей навсегда унесетъ съ собою все отрадное для нея въ жизни; слѣдовательно, жизнь ей нужна не ради жизни, теряющей для нея всю цѣну, но ради успленія мщенія Язону. Таковы, по моему, были мотивы, руководившіе Еврипидомъ, когда онъ писалъ эту сцену. Второстепеннымъ побужденіемъ могло быть и желаніе прославить Аѳины, давшіе убѣжище столь многимъ бѣглецамъ, на что отчасти указываетъ и слѣдующая хоровая пѣсня, наполненная похвалами Аттикѣ (824 — sqq.) и имѣющая нѣкоторое сходство съ похвалою Колону въ Софокловой драмѣ «Эдипъ въ Колонѣ» (657 — sqq.).

Послѣ ухода Эгея со сцены, Медея высказываетъ передъ хоромъ окончательное развитіе плана своего мщенія (*ἤδη πάντα τ᾽αμά σοι βουλεύματα λέξω*): теперь-только она, какъ и слѣдуетъ, выражаетъ полную увѣренность въ побѣдѣ надъ своими врагами. «О Зевсъ, она восклицаетъ, о правота Зевеса (*δίκη*) и свѣтъ Геліоса, теперь-то я одержу побѣду надъ моими врагами, теперь-то я вступила на надежный путь, теперь-то надѣюсь

воздать достойнымъ образомъ моимъ врагамъ!» И за-тѣмъ она разсказываетъ хору весь свой планъ. Она хочетъ достигнуть его хитростію: она позоветъ Язона къ себѣ, встрѣтитъ его ласковыми словами, представитъ ему, что она принимаетъ его предложенія, одобряетъ ихъ и находитъ ихъ полезными; она попроситъ его оставить дѣтей у себя, не потому чтобы она дѣйствительно желала покинуть ихъ у своихъ враговъ на поруганіе и униженіе, но чтобы вѣрнѣе осуществить свои планы, чтобы вѣрнѣе погубить царевну. Она пошлетъ къ ней своихъ дѣтей, какъ-бы къ невѣстѣ, съ дарами; они будутъ просить ее не изгонять ихъ изъ страны; въ даръ они принесутъ ей тонкій пеплъ и золотой вѣнокъ. Эти-то дары будутъ гибелью невѣстѣ; они будутъ напитаны ядомъ, и какъ скоро она, принявши ихъ, надѣнетъ, тотчасъ погибнетъ и сама, и всякій, кто прикоснется къ ней. Этимъ впрочемъ не оканчивается ея мщеніе; еще остаются новыя жертвы: она думаетъ погубить и своихъ дѣтей. Но, при мысли объ этомъ, она сама содрогается, и однакожъ рѣшается на преступленіе; никто не въ состояніи отклонить ее отъ него. Погубивши весь домъ Язона, она удалится изъ той страны, которая будетъ свидѣтельницею столь страшнаго ея дѣла. «Какая мнѣ польза въ жизни! продолжаетъ она. Нѣтъ у меня ни родины, ни дома, ни убѣжища отъ бѣдъ; ошиблась (ἡμάρτανον) я тогда, когда покидала отцовскій домъ, послушавшись Грека, который теперь, съ помощію боговъ, заплатитъ мнѣ за все. Никогда не увидитъ онъ живыми дѣтей, прижитыхъ со мною, и не будетъ имѣть другихъ отъ своей молодой невѣсты; она,

злая, погибнетъ злымъ образомъ отъ моего яду. Никто не скажетъ, что Медея была робка, слаба и терпѣлива; всѣ убѣдятся въ томъ, что она была гибельна своимъ врагамъ и благосклонна своимъ друзьямъ». Попытка хора отклонить ее отъ замысла, по-крайней-мѣрѣ отъ убійства дѣтей, осталась безуспѣшною. Этимъ только путемъ, говоритъ она, я поражу мужа въ самое чувствительное мѣсто, и напрасны всѣ дальнѣйшія рѣчи (764 — 823).

Такимъ образомъ планъ мщенія, какъ видно изъ этого монолога, окончательно сложился въ душѣ Медеи. И въ этомъ случаѣ мы не можемъ не указать на вѣрное и глубокое пониманіе Еврипидомъ человѣческой природы. Замыслы, подобные замысламъ Медеи, не сразу созрѣваютъ въ душѣ человѣка; они образуются постепенно, послѣ тяжкихъ колебаній и сильной борьбы, послѣ переходовъ отъ одного момента къ другому. Такъ было и съ Медеею: припомнимъ всѣ произшествія, среди которыхъ является намъ Медея, и мы поймемъ, что планъ мщенія, составленный ею, составленъ не съ одного разу: ей нужно было пережить въ одинъ день — столько она остается на сценѣ — много думъ, тяжкихъ и грызущихъ душу, много горя, самаго ѣдкаго и разрывающаго сердце; нужно было пройдти воспоминаніемъ всю свою протекшую жизнь, все, сдѣланное ею для любимаго мужа; нужно было испытать тяжкое униженіе отъ Креона, сказавшаго ей послѣднее слово грубо, съ деспотическою угрозою; нужно было понять весь эгоизмъ, безжалостный и холодный, своего мужа, чтобы наконецъ остановиться на этомъ страшномъ планѣ.

По этому мы рѣшительно не понимаемъ тѣхъ критиковъ, которые считаютъ ошибкою со стороны Еврипида то обстоятельство, что Медея одинъ разъ высказываетъ намѣреніе убить Язона (ст. 375), а другой разъ замѣняетъ его убійствомъ дѣтей, и что онъ вводитъ эту перемѣну въ свою драму безъ всякой оговорки, или точнѣе, безъ всякаго мотивированія. Мы уже выше указали, что относительно Медеи подобное измѣненіе было вполнѣ возможно и сообразно съ характеромъ ея мщенія, и нисколько не считаемъ нужнымъ порицать его. Напротивъ, мы думаемъ, что Еврипидъ и тутъ выказалъ себя съ самой выгодной стороны, какъ глубокій знатокъ человѣческой природы. Мотивированіе, котораго добиваются критики, лежитъ въ постепенномъ развитіи замысла, какъ сказано выше: авторъ не считалъ нужнымъ развивать его зрителямъ подробно; онъ, какъ художникъ, не видѣлъ необходимости докладывать имъ обстоятельно обо всякомъ измѣненіи въ душевномъ состояніи Медеи, съ указаніемъ причинъ, произведшихъ его; онъ схватывалъ главные моменты, а посредствующіе онъ пропускалъ. Если-бы онъ взялся описать всю страсть подробно и обстоятельно, со всѣми переходами, по которымъ она развивалась, со всѣми причинами, произведшими то то, то другое явленіе: то изъ этого описанія вышло бы не то художественное произведеніе, какое мы теперь имѣемъ, а скорѣе докладъ какого-нибудь уголовнаго суда.

Переходимъ къ дальнѣйшему развитію Еврипидовой трагедіи. Слѣдующая сцена, въ которой Медея снова видится съ Язономъ, принадлежитъ тоже къ совершен-

нѣйшимъ сценамъ, какія только удалось Еврипиду написать. Язонъ, по желанію Медеи, является снова къ ней. Увидѣвши его, она обращается къ нему съ слѣдующими словами: «Язонъ, прошу тебя, прости меня за сказанное мною; справедливость требуетъ, чтобы ты, во имя нашей прежней любви, извинилъ мнѣ мой гнѣвъ. Я вникла въ мою душу, я созналась, что я безумствую, что я сержусь на тѣхъ, которые желаютъ мнѣ добра, что я враждую противъ владыкъ этой страны, противъ моего супруга, который, сочетавшись бракомъ съ дочерью царя, и приживъ съ нею братьевъ моимъ дѣтямъ, этимъ самымъ дѣлаетъ намъ величайшее благо. Не лучше ли покинуть этотъ гнѣвъ? Къ чему увлекаться, когда боги посылаютъ благое? Развѣ у меня нѣтъ дѣтей? Развѣ я не знаю, что у меня, изгнанной, немного будетъ друзей? При такихъ-то мысляхъ я поняла все мое безуміе, поняла, что напрасно сержусь. Теперь вполнѣ одобряю тебя; теперь мнѣ кажется, что ты, связывая это родство со мною, поступаешь благоразумно. Безразсудная! Мнѣ бы самой слѣдовало быть соучастницею этихъ намѣреній, помогать тебѣ, служить невѣстѣ и вручить ее тебѣ. Но что-же дѣлать? Я — женщина. И потому не слѣдуетъ тебѣ равняться съ дурными, не слѣдуетъ платить за глупость глупостію. Я уступаю, и сознаюсь, что думала тогда дурно; теперь же обсудила лучше. — О дѣти, дѣти! подите сюда, оставьте домъ, подите сюда, обнимите и привѣтствуйте вашего отца вмѣстѣ со мною, примирите его съ матерью; пусть будетъ забыта прежняя моя вражда къ друзьямъ! Ну, теперь между нами миръ, и вражда исчезла. Возь-

мите его правую руку. — О горе мнѣ, горе! Какая мысль о тайномъ намѣреніи пробудилась въ душѣ моей! О дѣти! долго еще вы будете простирать ваши милыя руки, не такъ ли? Ахъ, я несчастная! Какъ легко поддаюсь я слезамъ, и какъ мнѣ страшно! Примиреніе съ отцомъ послѣ долгой ссоры смочило слезами и мое лицо!» (869 — 905).

Эта превосходная сцена исполнена Еврипидомъ неподражаемо. Притворство Медеи, прерываемое естественными чувствами матери, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которомъ она находится. Она устремляетъ всѣ свои силы на то, чтобы обмануть Язона, чтобы убѣдить его въ дѣйствительности своего раскаянія, въ истинной перемѣнѣ своихъ чувствъ, въ полномъ признаніи пользы въ его намѣреніяхъ. Чтобы убѣдить его болѣе, чтобы живѣе затронуть его и отнять у него всякую возможность спокойнаго наблюденія надъ собою, она прибѣгаетъ къ помощи самыхъ дѣтей, вызываетъ ихъ изъ дому какъ-бы для того, чтобы и они приняли участіе въ примиреніи ея съ отцемъ и еще болѣе способствовали къ нему. Но видъ дѣтей едва не обнаружилъ ее: материнская любовь и нѣжность пересилила ея хитрость; при взглядѣ на нихъ, мысль объ убійствѣ ихъ, приготовленномъ матерью, какъ молнія, проникла въ ея душу и страшнымъ упрекомъ возстала передъ нею; и Медея, какъ женщина, какъ мать любящая дѣтей, вполнѣ отдалась ей на минуту, забыла о своей предосторожности и о мщеніи, и вся въ слезахъ произноситъ: «какая мысль о тайномъ намѣреніи пробудилась въ моей душѣ!» — Но это чувство владѣло

Медеею одну минуту; на одну минуту она отдалась естественному влеченію материнской любви; на одну минуту перестала она хитрить. По прошествіи этого мгновенія, она снова овладѣваетъ собою, и, чтобы не измѣнить себѣ окончательно, она обращается къ дѣтямъ съ словами: «о дѣти! долго еще вы будете простирать ваши милыя руки, не такъ ли?». Эти слова отзываются еще страшнымъ воспоминаніемъ; въ нихъ еще замѣтна борьба противоположныхъ чувствъ, обуревающихъ душу Медеи, какъ любящей матери и хитрящей женщины; въ нихъ еще не видно совершеннаго подчиненія разсчету и притворству. Но еще мгновеніе, и она пересиливаетъ себя, и послѣдніе стихи («ахъ, я несчастная! Какъ легко поддаюсь я слезамъ, и какъ мнѣ страшно? Примиреніе съ отцомъ послѣ долгой ссоры смочило слезами и мое лицо!.») показываютъ, что она снова совладѣла собою.

Эта смѣсь притворства и истиннаго чувства не могла не имѣть на Язона сильнаго впечатлѣнія, не могла не убѣдить его въ томъ, что Медея говоритъ правду. Если-бы Медея во все время, какъ говорила эти слова Язону, не довела своего притворства до увлеченія, которое выразилось въ обращеніи ея къ дѣтямъ: то цѣль ея могла быть и не достигнута; одно притворство могло бы не имѣть достаточной силы, чтобы убѣдить его. Язонъ могъ бы и не вполнѣ поддаться ея словамъ и не совсѣмъ повѣрить имъ; онъ былъ бы на-сторожѣ, потому-что хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но появленіе дѣтей на сценѣ, вызванныхъ матерью, обращеніе ея къ нимъ, слезы, невольно вырвавшіяся у нея при

видѣ ихъ и при воспоминаніи о томъ, что ихъ ждетъ, все это въ связи съ предшествующими словами окончательно побѣдило Язона и заставило его забыть предосторожность, необходимую съ такою личностію, какъ Медея. Кромѣ этихъ побужденій, способствовавшихъ успѣшному дѣйствію хитрости, не мало тому способствовало и самое душевное состояніе Язона при мысли объ оскорбленной имъ Медеѣ. Язонъ боялся ея, и потому слишкомъ желалъ примиренія съ нею: припомнивая прежнюю жизнь съ нею, онъ слишкомъ хорошо видѣлъ и понималъ характеръ Медеи, и былъ твердо убѣжденъ, что она не оставитъ безъ возмездія оскорбленія, ей нанесеннаго имъ. Особенно эта мысль могла безпокоить его послѣ первой попытки убѣдить ее въ пользѣ своихъ замысловъ для ихъ обоихъ и примириться съ нею; онъ не могъ забыть тѣхъ упрековъ, которые она высказала ему тогда, того раздраженія и гнѣвнаго, въ ярость приходящаго волненія, съ какимъ она встрѣтила и проводила его. Всѣ эти обстоятельства поставляли самого Язона въ тревожное положеніе, поселяли въ его душу страхъ предъ Медеею. Даже мы думаемъ, что этотъ-же страхъ проникъ въ душу и нареченнаго его тестя. Такъ заключать мы въ-правѣ изъ той сцены, гдѣ Креонъ видится съ нею и гдѣ самъ говоритъ: «говоря откровенно, я боюсь, чтобы ты не сдѣлала какого-нибудь неисправимаго зла моей дочери» (232 — 283). Если Креонъ, не знавшій ее столько, сколько Язонъ, боялся ея: то тѣмъ болѣе это чувство страха могло проникнуть въ душу Язона, проживпаго съ нею столько лѣтъ и не разъ видѣвшаго ея твердый, непре-

клонный характеръ, который ни предъ чѣмъ не задумывался и рѣшался на самыя смѣлыя и безчеловѣчныя дѣла. Вотъ этотъ-то страхъ и могъ подѣйствовать на убѣжденія Язона столько-же, какъ и самое умѣнье Медеи притворяться: по-крайней-мѣрѣ онъ предрасположилъ его повѣрить чистосердечному сознанію со стороны Медеи въ своихъ ошибкахъ. Такимъ-то образомъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, собственнаго страха, а съ другой — хитрости Медеи, Язонъ окончательно поддался обману, и въ отвѣтѣ своемъ на приведенныя слова Медеи говоритъ: «одобряю это, жена, и не упрекаю за прежнее; знаю, что женщинамъ свойственно сердиться на мужей, когда они, при живой женѣ, затѣваютъ жениться на другой; но ты перемѣнила свое сердце къ лучшему; ты поступила какъ благоразумная женщина». И за-тѣмъ, обратившись къ дѣтямъ, онъ въ задушевномъ тонѣ говоритъ имъ: «объ васъ же, дѣти, отецъ вашъ съ божіею помощію приложилъ самое нѣжное попеченіе; думаю, что вы вмѣстѣ съ братьями будете нѣкогда первенствовать въ этой самой странѣ. — Но возрастайте; остальное совершитъ милостивое къ вамъ божество и отецъ. О, если-бы я увидѣлъ васъ хорошо воспитанными, выросшими, побѣдителями моихъ враговъ» (908 — 921). Эти слова, обращенныя къ дѣтямъ съ нѣжною и заботливою ласкою, снова взволновали душу Медеи, наполнили ее материнскою любовію и вызвали на глаза обильныя слезы, которыя обратили на себя вниманіе Язона. «Зачѣмъ ты обливаешь потокомъ слезъ свои глаза, зачѣмъ отвращиваешь свои блѣдныя щеки? Развѣ тебѣ непріятно слышать отъ

меня такія слова?» — «Ничего, я думала объ этихъ-же дѣтяхъ». — «Будь спокойна, я вполнѣ позабочусь объ нихъ». — «Постараюсь, я вѣрю твоимъ словамъ». — «Такъ, зачѣмъ же, несчастная, ты плачешь о дѣтяхъ?» — Я привожу эту краткую сцену цѣликомъ, въ доказательство того, что Еврипидъ глубоко понималъ борьбу материнскихъ чувствъ съ планами мщенія и что умѣлъ вѣрно воспроизвесть ее. Медеи нужны были неимовѣрныя, нечеловѣческія усилія, чтобы, среди сильнаго прилива материнской любви къ дѣтямъ и ненависти къ мужу, не измѣнить себѣ, не выдать своихъ замысловъ, пришедши въ раздраженное состояніе. Напрасно она отвращиваетъ лицо отъ дѣтей и отъ мужа, — слезы неудержимо льются. Язону могла показаться странною, если не подозрительною, такая слезливость въ Медеѣ, а особенно послѣ того спокойнаго состоянія, въ какомъ онъ нашелъ ее. Хотя Медея на вопросъ его отвѣчаетъ ему, что причиною слезъ — думы о дѣтяхъ: однако, послѣ убѣжденія Язона успокоиться, послѣ завѣренія, что онъ самъ позаботится о нихъ, ей ничего не оставалось, какъ перестать плакать, а между-тѣмъ слезы продолжали литься. Это удивляетъ его и онъ спрашиваетъ уже съ нѣкоторою досадою: «такъ за чѣмъ же, несчастная, плачешь объ нихъ?». Тогда-только, когда Медея замѣтила уже нѣкоторое раздраженіе и настойчивость Язона, она почувствовала, что слишкомъ увлеклась слезами, и потому поспѣшила успокоить его слѣдующими словами: «я мать ихъ: когда ты выразилъ желаніе, чтобы они жили, грустное чувство проникло въ мою душу о томъ, сбудется ли это?» Въ умѣ Медеи

эти слова имѣютъ иной смыслъ, а не тотъ, какой далъ имъ Язонъ, который, не предугадывая ея намѣреній, не понимаетъ двусмыслія ихъ. Затѣмъ Медея переходитъ собственно къ тому, зачѣмъ она пожелала этого втораго свиданія съ Язономъ. Она успѣла уже снова пріобрѣсть то наружное спокойствіе, съ какимъ она увидѣлась съ нимъ, и то уступающее благоразуміе, какое она высказала въ началѣ этого монолога. Какъ то, такъ и другое помогло ей употребить самого Язона орудіемъ своихъ замысловъ. «Такъ-какъ царямъ этой страны, говоритъ она, угодно выслать меня изъ нея, да и сама я хорошо понимаю, что для меня самое лучшее — не мѣшать ни тебѣ, ни владыкамъ этой страны, дому которыхъ кажусь я врагомъ: то я рѣшилась удалиться отсюда. Попроси только Креона не высылать со мною дѣтей: пусть рука твоя воспитаетъ ихъ; скажи своей невѣстѣ, пусть и она попроситъ объ этомъ своего отца. Я и сама помогу тебѣ въ этомъ — я пошлю ей дары, лучше которыхъ нѣтъ въ мірѣ: тонкую одежду и вѣнокъ; ихъ понесутъ мои дѣти. — Пусть же кто-нибудь изъ слугъ принесетъ сей-часъ это украшеніе. Какъ она будетъ счастлива, и не одинъ, а тысячу разъ, имѣя въ тебѣ превосходнѣйшаго мужа, и обладая украшеніемъ, которое Геліосъ, отецъ отца моего, подарилъ нѣкогда своимъ потомкамъ. Возьмите же, дѣти, эти свадебные дары, понесите и вручите ихъ царевнѣ, счастливой невѣстѣ; не думаю, чтобы она презрѣла ихъ» (932 — 958). Видно, что Медея вполнѣ совладѣла съ собою; видно, что здѣсь говоритъ и дѣйствуетъ уже не мать, которую мучитъ и терзаетъ мысль о гибели дѣтей, и

которая, поддаваясь материнскимъ чувствамъ, забываетъ свою роль, но хитрая и коварная женщина, хладнокровно, разсчетливо и твердо стремящаяся къ цѣли; и потому напрасны были усилія Язона отклонить ее отъ посылки даровъ невѣстѣ. «Нѣтъ, нѣтъ, не говори мнѣ этого, возражаетъ ему Медея; пословица говоритъ: и боги преклоняются дарами; для людей же золото лучше безчисленныхъ рѣчей. Ей улыбается теперь счастіе; ее лелѣетъ теперь богъ; она, молодая, царитъ теперь; не золотомъ только, а жизнію я готова была бы отклонить изгнаніе моихъ дѣтей. Ступайте же, дѣти, въ богатый домъ и, вручая наряды, просите молодую невѣсту вашего отца, мою повелительницу, умоляйте ее не изгонять васъ; особенно позаботьтесь о томъ, чтобы она сама приняла эти дары. Идите же скорѣе, исполните счастливо это и принесите вашей матери добрую, желанную вѣсть» (959 — 975). Нельзя не согласиться, что эта сцена выполнена безукоризненно хорошо. Все сдѣлано Медеею, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе: дары принесены при Язонѣ и при немъ-же отданы дѣтямъ съ наказомъ особенно стараться о томъ, чтобы вручить ихъ лично самой царевнѣ. Давая имъ это послѣднее наставленіе, Медея очевидно хотѣла представить Язону всю важность личной отдачи дѣтьми даровъ, отъ принятія которыхъ самою царевною зависѣла ихъ участь, и выразить свою боязнь, что дары, перешедшіе къ царевнѣ изъ другихъ рукъ, не будутъ имѣть того вліянія на нее, какого можно было ожидать отъ нихъ, а особенно въ соединеніи съ просьбами дѣтей. Сама невѣста тоже

ничего не могла подозрѣвать: подарки принесены къ ней Язономъ и дѣтьми его. Кромѣ того, прелесть и драгоцѣнность подарковъ должны были сильно расположить царевну къ принятію ихъ безъ всякаго подозрѣнія. Слѣдовательно, Медеею было все предъусмотрѣно, чтобы хитрость удалась. Къ этому надобно присоединить тонъ и манеру словъ, которыми сопровождала Медея принесеніе даровъ и врученіе ихъ дѣтямъ и которыя окончательно отнимали у Язона всякую возможность заподозрить ее въ чемъ бы то ни было. Эта заботливость о будущемъ дѣтей, которая проглядываетъ во всѣхъ словахъ Медеи: и въ пословицѣ, приводимой ею, и въ житейскомъ взглядѣ касательно золота и вліянія его на людей, и въ наставленіи, какъ отнести и отдать дары, и даже въ нѣкоторомъ тщеславіи ими, давая всей рѣчи тонъ задушевности, материнской заботливости, свойственной матерямъ, когда онѣ снаряжаютъ дѣтей для исполненія какого-либо важнаго дѣла, должна была произвесть на душу Язона самое благопріятное для Медеи вліяніе и окончательно склонить его содѣйствовать передъ невѣстою видамъ и цѣлямъ ея.

Такимъ образомъ стремленія и намѣренія Медеи приближаются къ концу: дѣти отправились съ подарками ея къ царевнѣ-невѣстѣ; самъ Язонъ сопровождаетъ ихъ, не вѣдая того, что они несутъ ей ужасную смерть и что со смертію ея тѣсно связана и ихъ собственная гибель, рѣшенная Медеею. Положеніе Медеи съ каждою минутою становится невыносимѣе; нравственныя страданія ея увеличиваются съ каждою минутою болѣе и

болѣе; возвратъ назадъ сдѣлался невозможенъ для нея; отказаться отъ замысловъ не въ ея уже волѣ; мщеніе ея почти-что достигнуто съ одной стороны, потому-что она хорошо знала неотразимую силу яда: но съ тѣмъ вмѣстѣ ея материнское сердце должно было испытать страшныя мученія при мысли о дѣтяхъ, которыхъ гибель тоже приближалась. Поэтому, въ слѣдующей затѣмъ сценѣ находимъ ее въ сильномъ смущеніи и волненіи. Дядька, сопровождавшій тоже дѣтей Медеи къ царевнѣ, возвратился съ ними оттуда и докладываетъ ей, что дѣти ея избавлены отъ изгнанія, и что сама царевна съ удовольствіемъ приняла дары собственными руками. «Теперь, прибавляетъ старикъ, миръ твоимъ дѣтямъ». Эта вѣсть, жданная и желанная Медеею, для достиженія которой она потратила столько хитрости и коварной изворотливости, столько притворства и лжи, поразила ее до такой степени, что въ отвѣтъ она могла произнести только одинъ звукъ (ἔα, - увы), который впрочемъ ясно свидѣтельствуетъ объ ея душевномъ состояніи. Не удивительно, что дядька не понялъ ея страданій; онъ даже удивленъ ея душевнымъ смущеніемъ послѣ такой, по его мнѣнію, радостной вѣсти. Вопросъ его Медеи: «зачѣмъ ты смущена, когда твои дѣла такъ удачны?» совершенно естественъ. Когда и на этотъ вопросъ Медеѣ отвѣчаетъ ему одними звуками: «горе, горе» (αἰαῖ), онъ, оставаясь все-таки подъ вліяніемъ прежняго убѣжденія, что принесенная имъ вѣсть должна радовать, а не печалить, отвѣчаетъ ей: «эти звуки не соотвѣтствуютъ принесенной вѣсти». Наконецъ онъ начинаетъ думать, что быть можетъ онъ

самъ, не зная того, принесъ какую-нибудь нерадостную вѣсть. Но Медея, измученная и истерзанная приближающеюся развязкою, отвѣчаетъ ему слезами. Старикъ, по прежнему оставаясь въ совершенномъ невѣдѣніи о причинѣ душевныхъ страданій Медеи, воображаетъ, что она страдаетъ оттого, что разлучаютъ ее съ дѣтьми, и потому начинаетъ утѣшать ее: «будь спокойна: и тебя возвратятъ сюда когда-нибудь дѣти; не ты одна разлучаешься съ ними». На это утѣшеніе отвѣчаетъ Медея темною, двусмысленною и непереводимою фразою: ἄλλους κατάξω πρόσθεν ἢ τάλαιν' ἐγώ. Въ этой фразѣ заключается непереводимая игра словомъ κατάξω — «другихъ скорѣе приведу (низведу въ адъ) я, несчастная» (κατάγω), или — другихъ скорѣе уничтожу (κατάγνυμι) я, несчастная!» Наконецъ, чтобы прекратить дальнѣйшіе его вопросы, она велитъ ему идти въ домъ, а сама остается съ дѣтьми (1002 — 1020).

Сцена, слѣдующая у Еврипида за удаленіемъ дядьки (1021 — 1080), есть одна изъ потрясающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ совершеннѣйшихъ сценъ не только въ этой драмѣ, но и во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ древности. Задача для поэта была не легкая: ему нужно было изобразить мать, увлекаемую попеременно то материнскою нѣжностію, то неутолимою жаждою мщенія, то любовію къ дѣтямъ, то ненавистію къ мужу; ему нужно было представить цѣлый рядъ душевныхъ явленій, возникающихъ въ душѣ Медеи подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ страстей, колебанія и переходъ ихъ изъ одного состоянія въ другое, смотря по тому, какая страсть брала перевѣсъ въ этой борьбѣ.

Надобно замѣтить притомъ, что во всѣхъ мѣстахъ этого монолога, гдѣ только Медея говоритъ своимъ дѣтямъ о разлукѣ съ ними, объ удаленіи отъ нихъ, слѣдуетъ разумѣть не пребываніе ихъ въ Коринѳѣ и собственное ея изгнаніе, но смерть, которую она готовитъ имъ, и вѣчный мракъ, на который она осуждаетъ ихъ. Это тайное намѣреніе, по замѣчанію древнихъ схоліастовъ, даетъ словамъ Медеи, и особенно ея первымъ словамъ, столь нѣжнымъ и трогательнымъ, грозящій и страшный тонъ.

По уходѣ дядьки, Медея, обращаясь къ дѣтямъ, говоритъ: «о дѣти, дѣти! у васъ есть теперь и родина, и домъ, гдѣ, покинувъ меня, несчастную, вы будете жить, на-вѣки разставшись съ матерью; я же изгнанницею пойду въ другую страну; я не буду радоваться вами, не буду видѣть васъ счастливыми, не буду снаряжать вашихъ свадьбъ, убирать вашихъ невѣстъ и брачныхъ постелей, не буду зажигать свадебныхъ факеловъ. О, я несчастная своимъ неукротимымъ увлеченіемъ! Напрасно же я вскормила васъ, дѣти; напрасно, раждая васъ, я страдала, томилась мученіями и переносила тяжкія боли. Я-то, несчастная, возлагала когда-то на васъ великія надежды; я-то надѣялась, что вы будете кормить меня, старуху, что, когда умру, вы погребете меня прилично, какъ слѣдуетъ. Теперь-же погибла эта сладкая надежда. Разлученная съ вами, я проведу жизнь печальную и грустную; и вы никогда не увидите матери вашими милыми очами; вы перейдете къ другой жизни! Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ вы смотрите на меня вашими очами, зачѣмъ вы улыбаетесь ва-

шею послѣднею улыбкою? Горе мнѣ, горе! Что мнѣ дѣлать? Смѣлость моя пропадаетъ, когда смотрю на свѣтлыя очи моихъ дѣтей! Нѣтъ, не могу! Простите прежніе замыслы! я уведу съ собою дѣтей изъ этой страны: тамъ, живучи со мною, они будутъ радовать мое сердце. Зачѣмъ, заставляя отца страдать ихъ страданіями, подвергаться мнѣ вдвое большимъ страданіямъ? Нѣтъ, никогда, никогда! Простите, замыслы!—Но что я дѣлаю? Неужели я захочу подвергнуться насмѣшкамъ, оставивъ своихъ враговъ не отмщенными? Нѣтъ, нужно рѣшиться! Ахъ, ты, робкое сердце, зачѣмъ ты поддаешься нѣжнымъ увлеченіямъ?—Удалитесь въ домъ, дѣти! отвернись, кто хочетъ, отъ этой кровавой жертвы. Моя рука не дрогнетъ!» Надобно думать, что на Греческомъ театрѣ Медея вмѣстѣ съ этими словами тоже хочетъ удалиться со сцены, чтобы исполнить свой кровавый замыселъ; но еще разъ всесильная материнская любовь проникаетъ въ ея сердце, еще разъ естественныя чувства, общія всему человѣчеству, преодолѣваютъ ея мрачныя, кровавыя намѣренія и удерживаютъ ее на сценѣ. Медея снова колеблется; сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, возмущается вся душа ея противъ страшнаго преступленія, готоваго совершиться ея руками, и она восклицаетъ: «нѣтъ, мое сердце, нѣтъ, ты не совершишь этого; оставь ихъ, несчастное; пощади дѣтей!» Но потомъ снова мысль о ненавистныхъ ей лицахъ вытѣсняетъ изъ сердца нѣжныя материнскія чувства, и снова оно наполняется жаждою мщенія и измѣняетъ тонъ рѣчей Медеи: «нѣтъ, клянусь мстящими адскими богами, никогда не бывать тому,

чтобы я сама отдала моихъ дѣтей на поруганіе моимъ врагамъ! Умереть имъ непремѣнно нужно! Необходимо: и я сама убью ихъ, я, которая родила ихъ! Это рѣшено; это неизмѣнно! Уже вѣнокъ на головѣ Главки, уже погибаетъ невѣста-царевна въ пеплѣ; навѣрно то знаю. Пора и мнѣ! пойду по самой гибельной дорогѣ, отправлю и дѣтей моихъ по дорогѣ еще болѣе гибельной». Съ этимъ прекращается борьба и колебаніе Медеи: теперь она не отступитъ уже назадъ, не дрогнетъ предъ совершеніемъ страшнаго дѣла. Да если-бы она и хотѣла, то теперь уже не можетъ: пеплъ, напитанный ядомъ, уже навѣрное дѣйствуетъ; и потому она должна спѣшить по избранному ею пути, если не хочетъ сдѣлаться добычею своихъ враговъ сама съ своими дѣтьми. Но она еще разъ хочетъ приласкать своихъ дѣтей; еще разъ на-прощанье насмотрѣться на ихъ лица, запечатлѣть ихъ дорогія черты на-вѣки, — и потомъ совершить замыселъ. Сердечное движеніе, совершенно сообразное съ природою матери. «Подайте, дѣти, подайте матери ваши правыя руки; пусть она поцѣлуетъ ихъ. О, дорогія руки! О, милыя уста, и видъ, и благородное лицо дѣтей, будьте счастливы, но не здѣсь, а тамъ! Здѣшнее счастіе отнялъ у васъ отецъ вашъ. О сладкія объятія! О нѣжный цвѣтъ юности! О сладкое дыханіе! — Удалитесь, удалитесь! Нѣтъ, не могу смотрѣть на васъ больше! Я изнемогаю отъ бѣдствій. Я знаю, какое преступленіе я готова совершить! Но гнѣвъ, виновникъ величайшихъ бѣдствій между смертными, сильнѣе благоразумія» (1021 — 1080).

Эта сцена, повторяемъ, есть одна изъ образцовыхъ въ Греческомъ театрѣ. Изумляешься поразительному разнообразію чувствъ, волновавшихъ душу Медеи и выведенныхъ на сцену авторомъ, и разнообразію языка, которымъ они были выражены. Съ одной стороны, неукротимая гордость, неутомимое мщеніе и кровожадная, звѣрская радость, съ другой — самыя нѣжныя чувствованія материнской любви и привязанности къ дѣтямъ! Въ ту минуту, когда Медея, обнимая своихъ дѣтей, услаждаясь ихъ видомъ, упиваясь ихъ дыханіемъ, покрывая ихъ поцѣлуями, предается самымъ бурнымъ порывамъ материнской нѣжности, высказывается въ ней съ самой свѣтлой стороны мать, нѣжно, страстно любящая своихъ дѣтей! Но объ-руку съ этимъ, при мысли о своихъ врагахъ, Медея является совершенно другимъ лицемъ: типомъ страшной мстящей женщины, приносящей на жертву мщенію самыя святыя чувства. Какое громадное впечатлѣніе должна была имѣть на Аѳинянъ и вся трагедія, но преимущественно эта сцена борьбы материнской нѣжности съ кровавыми замыслами, особенно, если игра актера вполнѣ соотвѣтствовала тому, что хотѣлъ выразить поэтъ. Не удивительно послѣ этого, что эта сцена была воспроизводима въ древности на полотнѣ и на камнѣ. Лукіанъ (περὶ τοῦ ὄικου, 30), Каллистратъ (Imagines, XIII) говорятъ намъ о картинахъ и статуяхъ, на которыхъ изображена была Медея, готовая убить своихъ дѣтей. У Лукіана мы читаемъ: «нарисована Медея: воспламененная ревностію, она страшно смотритъ на дѣтей и замышляетъ что-то ужасное; въ

рукахъ держитъ мечъ; они же, бѣдныя, сидятъ улыбаясь ей, не вѣдая, что ихъ ждетъ въ будущемъ, и смотря на мечъ въ ея рукахъ». Эпиграммы, собранныя въ Греческой антологіи, хвалятъ въ этихъ произведеніяхъ вѣрное изображеніе двухъ противоположныхъ страстей, переданныхъ художниками. Въ одной изъ нихъ, неизвѣстно кѣмъ написанной, мы читаемъ: «погляди и подивися, какъ гнѣвъ и состраданіе поселились у ней подъ рѣсницами, какъ очи сверкаютъ огнемъ, и какъ борьба матери и тяжко оскорбленной супруги то влечетъ ее къ убійству, то удерживаетъ отъ него. Художникъ мудро сокрылъ кровавое дѣло; онъ не желалъ обезсилить горемъ удивленія смотрящихъ». Въ другой: «вотъ дѣтоубійца, вотъ изображеніе Колхидянки, начертанной руками Тимарха: съ мечемъ въ рукахъ, сильно раздраженная, сверкая дико очами, она проливаетъ слезы надъ бѣдными дѣтьми: все слилъ, все соединилъ во едино художникъ, но удержалъ ея руку отъ кроваваго дѣла». Ср. 299, 302, 303. Tom. IV. Ed. Jacobs. Pag. 181, 182.

Медея, въ концѣ представленнаго монолога, отослала дѣтей своихъ въ домъ, сама же осталась на сценѣ. Прежде совершенія послѣдняго дѣла въ своемъ кровавомъ замыслѣ, она хочетъ еще дождаться, какой результатъ имѣли ея дары, пропитанные ядомъ и посланные ею царской дочери. По обычаю, принятому на Греческомъ театрѣ, кровавыя сцены совершались не на самой сценѣ, а внѣ ея, и передавались зрителямъ въ разсказѣ, при посредствѣ вѣстника. Точно такъ и здѣсь. Медея видитъ приближающагося вѣстника и ждетъ отъ

него вѣсти о какомъ-нибудь новомъ бѣдствіи. Явившійся вѣстникъ встрѣчаетъ Медею словами: «страшное и беззаконное дѣло совершила ты, Медея; бѣги, бѣги отсюда: и царевна, и отецъ ея погибли отъ твоего яда».— Прекрасную вѣсть ты сказалъ мнѣ; въ числѣ моихъ благодѣтелей и друзей ты будешь на будущее время; разскажи, какъ они погибли?»—«Когда твои дѣти, разсказываетъ вѣстникъ, вмѣстѣ съ отцемъ вошли въ домъ невѣсты, мы, служители, соболѣзновавшіе твоимъ бѣдствіямъ, обрадовались; прошелъ вдругъ говоръ, что ты и твой супругъ помирились; одни изъ насъ цѣлуютъ руки, другіе—бѣлокурыя головы твоихъ дѣтей; я и самъ отъ радости пошелъ вмѣстѣ съ твоими дѣтьми въ женское отдѣленіе. Госпожа наша, прежде чѣмъ увидѣла твоихъ дѣтей, весело глядѣла на Язона; но, замѣтивъ присутствіе ихъ, она закрыла глаза, отвернула свое бѣлое лицо отъ нихъ; супругъ же твой старался успокоить гнѣвъ ея и утишить ея раздраженіе; онъ убѣждалъ ее принять присланные тобою дары и попросить своего отца не изгонять твоихъ дѣтей. Царевна, чуть только увидѣла дары, не выдержала; но все обѣщала твоему мужу. И твой супругъ, и твои дѣти не успѣли еще уйдти далеко отъ дому, какъ она надѣла уже разноцвѣтную одежду и, наложивъ на голову золотой вѣнокъ, стала предъ зеркаломъ и, улыбаясь, прилаживала его. За-тѣмъ, вставъ съ кресла, она стала ходить по дому, мягко ступая бѣлою ногою, любуясь дарами и оглядывая себя съ ногъ до головы. Но вскорѣ за тѣмъ настало страшное зрѣлище: царевна измѣнилась въ лицѣ; шатаясь, дрожа членами, она едва дошла до

кресла и чуть-чуть не упала на полъ. Старуха служанка, какъ скоро замѣтила пѣну у ней вокругъ рта, дико блуждающія глаза и мертвую блѣдность, тотчасъ-же подняла вопль и плачъ. Тотчасъ-же одна изъ служанокъ поспѣшила въ домъ къ отцу, другая къ жениху, твоему мужу, чтобы разсказать несчастіе невѣсты; весь домъ наполнился суматохою бѣгающихъ туда и сюда. Между-тѣмъ страшное зрѣлище представляла невѣста. Двойное бѣдствіе пожирало ее: изъ золотаго вѣнка, лежавшаго у ней на головѣ, просачивалась изумительная струя огня, все пожирающаго; тонкая одежда, даръ твоихъ дѣтей, терзала бѣлое тѣло несчастной. Поднявшись съ мѣста въ пламени, бѣгаетъ она туда и сюда, потрясая головою и волосами, силясь скинуть съ себя вѣнокъ; но крѣпко держится онъ на головѣ; огонь же, каждый разъ, какъ она встряхивала волосами, вдвое еще разгарался. Измученная этими страданіями, падаетъ она на полъ, никѣмъ уже не узнаваемая, кромѣ отца; не было уже ни свѣтлыхъ глазъ, ни прелестнаго лица; съ верху головы сочилась кровь, смѣшанная съ огнемъ; тѣло обваливалось съ костей, какъ смола съ горящей сосны, подъ невидимыми зубами яда. Страшное зрѣлище! Страшно было коснуться до мертвой. Несчастный отецъ, не вѣдая бѣдствій, вдругъ входитъ въ домъ и падаетъ на трупъ: стонная, обнялъ тѣло и, цѣлуя, приговариваетъ: о, несчастное дитя, какое божество сгубило тебя такъ постыдно! Кто осиротилъ меня, старика, на краю могилы? горе мнѣ, горе! О, если-бы я умеръ съ тобою, моя дочь! Когда же пересталъ онъ плакать и стонать: то,

желая подняться своимъ старческимъ тѣломъ, онъ прильнулъ къ тонкой одеждѣ, какъ плющъ къ вѣтвямъ лавра; и страшная была борьба: когда онъ хотѣлъ подняться, одежда не пускала его; когда же хотѣлъ насильно оторваться, то его старое тѣло отдѣлялось отъ костей. Наконецъ жизнь его погасла и онъ, несчастный, испустилъ душу; не могъ онъ больше переносить страданія. И вотъ они лежатъ мертвые, дочь и старикъ отецъ, другъ подлѣ друга, — несчастіе, исторгающее слезы» (1136 — 1231).

Эту длинную сцену я старался передать довольно близко къ подлиннику, чтобы указать на одно изъ существенныхъ различій между нашимъ театромъ и театромъ древнихъ Грековъ. Эта сцена, исполненная живописнаго и картиннаго описанія, совершенно не въ обычаяхъ нашего театра; она покажется намъ холодною и, пожалуй, изысканною, натянутою, между-тѣмъ какъ у древнихъ никто не находилъ ее такою; тамъ она была у-мѣста и вполнѣ удовлетворяла обычаямъ и требованіямъ современнаго Еврипиду театра. Эстетическое чувство древняго Грека возмутилось бы кровью и предсмертными муками умирающихъ трагическихъ лицъ, если-бы они умирали на сценѣ, какъ у насъ; а потому всѣ убійства и смерть, всѣ кровавыя сцены, неразлучныя съ трагедіею, совершались у Грековъ внѣ сцены. Грекъ любилъ наслаждаться драмою спокойно, безъ потрясеній и сильныхъ волненій; въ трагедіи онъ искалъ не сильныхъ ощущеній, не раздирательныхъ сценъ, не крови и убійства, но чувствованій, мыслей, развитія и игры страстей, за которыми слѣдилъ спо-

койно, шагъ за шагомъ, любуясь и наслаждаясь ими, какъ прекрасными статуями или картинами. Замѣтимъ при этомъ, что исходъ Греческихъ трагедій былъ всѣмъ извѣстенъ напередъ: содержаніе трагедій заимствовалось изъ миѳовъ и преданій, которыя болѣе или менѣе были извѣстны всѣмъ и каждому; слѣдовательно, не развязка интересовала зрителей, но самое дѣйствіе, именно то, какъ писатель умѣлъ развить и сопоставить дѣйствующія лица въ ихъ словахъ, желаніяхъ, стремленіяхъ, чувствованіяхъ, страстяхъ и проч. Можетъ быть *Медея*, одна изъ совершеннѣйшихъ драмъ древняго міра, потому и не получила первой награды, что она слишкомъ волновала зрителя, слишкомъ трогала его, лишала того спокойствія, которое было потребно, чтобы вполнѣ наслаждаться изящнымъ произведеніемъ. Для древняго Грека довольно было волненія въ его гражданской жизни, въ его совѣщаніяхъ, часто горячихъ и бурныхъ, на народныхъ собраніяхъ и судахъ разнаго рода; онъ приходилъ въ театръ отдыхать, успокоиваться, забываться отъ житейскихъ волненій и тревогъ, внимать прекраснымъ мыслямъ, глубокимъ чувствованіямъ, изящнымъ рѣчамъ и проч.; оттого многія Греческія трагедіи дѣйствительно часто производятъ на современнаго намъ читателя какое-то величественно-мирящее и успокаивающее впечатлѣніе. И потому-то Грекъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на кровавыя сцены трагическаго исхода, предпочиталъ выслушивать ихъ отъ вѣстника въ разсказахъ, исполненныхъ живыхъ и картинныхъ описаній *.

* Вообще на Греческой сценѣ не исполнялось все то, что требовало

Медея, выслушавши подробный разсказъ вѣстника о смерти царевны-невѣсты и ея отца, восклицаетъ, обращаясь къ хору: «подруги, я рѣшилась сейчасъ-же умертвить дѣтей и бѣжать изъ этой страны; не хочу, медля, отдавать ихъ на убійство чужой враждебной рукѣ». «Вооружись же, мое сердце! Зачѣмъ я медлю совершить страшное, но необходимое дѣло? Возьми же, моя несчастная рука, возьми мечъ; иди, Медея, къ печальной цѣли твоей жизни; не робѣй, забудь о дѣтяхъ, какъ они милы тебѣ, какъ ты раждала ихъ; по крайней-мѣрѣ на сегодняшній короткій день забудь, что они твои дѣти; а затѣмъ оплакивай ихъ; и хоть ты убиваешь ихъ, все-таки они милы тебѣ, несчастной женщинѣ» (1236 — 1250). Съ этими словами Медея спѣшитъ въ домъ, и на сценѣ уже не показывается. Вскорѣ затѣмъ раздаются, разумѣется за сценою, жалобные крики дѣтей, зовущихъ на помощь. Коринѳскія женщины, составляющія хоръ, рѣшаются было спѣшить на помощь несчастнымъ дѣтямъ; но дѣло совершается прежде, чѣмъ онѣ исполняютъ свое намѣреніе, и онѣ заключаютъ свою безплодную попытку указаніемъ на одинъ только примѣръ дѣтоубійцы, взятый изъ древнѣйшихъ временъ, на Ино, которая въ безуміи умертвила дѣтей своихъ, и сама за ними погибла. (1251—1292).

Между-тѣмъ Язонъ, узнавъ о злодѣяніи Медеи, сильно встревоженный, поспѣшаетъ къ ней, чтобы спасти по-крайней-мѣрѣ дѣтей своихъ и защитить ихъ отъ

только внѣшняго факта, одного только дѣйствія безъ развитія мысли или чувства. Поэтому поединки, битвы, убійства, жертвы, погребенія и проч. совершались внѣ сцены, и разсказывались вѣстниками.

родныхъ Креона. Хоръ извѣщаетъ его, что дѣти только-что погибли отъ рукъ матери. На стукъ его въ дверь, Медея отвѣчаетъ, что онъ напрасно стучитъ въ дверь, напрасно «ищетъ мертвыхъ и ее, совершившую это убійство; рука его не достигнетъ до нея, потому-что она уже на колесницѣ Солнца». На всѣ его горячіе упреки, въ которыхъ онъ называетъ ее женщиною самою ненавистною и богамъ, и ему, и всему роду человѣческому, львицею, а не женщиною, не Гречанкою, по природѣ болѣе жестокою, нежели Скилла, на всѣ его проклятія, въ которыхъ онъ желаетъ ей гибели, она отвѣчаетъ ему самою холодною ироніею: «пожалуй, называй меня и львицею, и Скиллою, что́ поселилась на Тирренской землѣ, все-же я растерзала твое сердце, какъ хотѣла». — «Да погубитъ тебя Эринія погибшихъ дѣтей, и мстящая за убійство Правота (*δίκη*)!» — «Какой-же богъ, или какой духъ услышитъ тебя, клятвопреступника? Ступай домой и похорони свою невѣсту». — Наконецъ Язонъ, послѣ отчаянныхъ воплей и просьбъ позволить ему хоть взглянуть на милыхъ дѣтей, хоть обнять ихъ и прикоснуться къ нимъ, оканчиваетъ молитвою къ Зевесу: «Зевесъ, ты слышишь, какъ отталкиваетъ, какъ оскорбляетъ меня эта проклятая, эта убійца своихъ дѣтей, эта львица. Но сколько могу, сколько силъ во мнѣ есть, слезами и воплями буду взывать къ богамъ, призывая ихъ во свидѣтели, что ты не даешь мнѣ прикоснуться руками къ дѣтямъ, которыхъ ты убила, и предать ихъ погребенію. О если-бы я никогда не видѣлъ ихъ рожденными отъ тебя, дѣтоубійцы». (1293 — 1414).

Съ перваго взгляда эта сцена можетъ показаться лишнею, потому-что собственно трагическая развязка, а слѣдовательно и самая трагедія окончилась уже со смертію дѣтей Медеи. Дѣйствительно, эта сцена не прибавляетъ ничего новаго къ развитію и уясненію характера и страсти Медеи, но зато она показываетъ въ новомъ положеніи Медею и Язона, которые въ ней какъбы мѣняются своими ролями. Доселѣ видѣли мы Медею постоянно въ раздраженномъ, страстномъ состояніи: она была лицомъ страждущимъ, гонимымъ, терпящимъ, молящимъ и просящимъ; Язонъ же лицомъ спокойнымъ, даже холоднымъ, съ радостію видѣвшимъ приближеніе къ концу своихъ плановъ. Эта-же послѣдняя сцена представляетъ Язона лицомъ страждущимъ и молящимъ, Медею, напротивъ, торжествующею и спокойною, по крайней-мѣрѣ на словахъ, потому-что самый тонъ рѣчи ея, отрывистый и исполненный желчной иронiи, показываетъ о внутренней ея тревогѣ, о внутреннихъ ея страданiяхъ. Эту сцену мы признаемъ необходимымъ завершенiемъ всей драмы: безъ нея ни зритель, ни читатель не видѣли бы послѣдствiй мщенiя, постигшихъ на самомъ дѣлѣ Язона. Пожалуй, можно было догадываться о мукахъ, испытанныхъ Язономъ, потерявшимъ дѣтей и увидѣвшимъ, что всѣ его планы разстроились, что все зданiе будущаго спокойствiя, возведенное имъ съ столькими неправдами относительно Медеи, разрушилось. Но Еврипидъ не довольствовался этимъ; онъ не хотѣлъ ничего предоставлять догадкѣ зрителя; ему хотѣлось показать и на сценѣ дѣйствiе на Язона приведенныхъ Медеею въ исполненiе своихъ плановъ, и съ

этою-то цѣлію прибавилъ онъ еще одну сцену, которую поэтому мы считаемъ не только не лишнею, а существенно необходимою для округленія драмы.

Въ этой-же сценѣ мы знакомимся еще съ одною особенностію Греческаго театра: съ появленіемъ божествъ на немъ и вмѣшательствомъ ихъ въ самое дѣйствіе драмы, чтобы дать ей надлежащій исходъ. Эту особенность встрѣчаемъ мы у всѣхъ Греческихъ трагиковъ: у Эсхила въ *Евменидахъ*, у Софокла въ *Филоктетѣ* и особенно часто у Еврипида, за что и подвергнулся онъ многимъ нареканіямъ со стороны критиковъ. Введеніе божества на сцену обусловливалось необходимостію дать надлежащую развязку запутанному драматическому дѣйствію. Когда борьба страстей въ драмѣ дѣлалась слишкомъ горячею, и когда дѣйствіе черезъ то слишкомъ запутывалось, такъ-что авторъ наконецъ терялъ всякую возможность распутать его обычнымъ путемъ собственными силами, и привесть драму къ желанному концу либо рѣшительною побѣдою одной какой-либо стороны, либо миромъ враждующихъ сторонъ: тогда, при помощи машинъ на театрѣ, являлось божество, возвѣщало волю высшихъ судебъ, или же просто своимъ авторитетомъ примиряло страсти, возстановляло миръ и законный порядокъ, и оканчивало драму. Это введеніе было порицаемо многими, и часто не справедливо, потому-что порицавшіе смотрѣли на него съ современной точки зрѣнія на трагедію и ея развязку, и не хотѣли понять причинъ, способствовавшихъ принятію подобнаго введенія въ древней трагедіи, между которыми одною изъ главныхъ надобно считать то об-

стоятельство, что божество древняго міра, вступавшее часто въ родственныя связи съ человѣкомъ, было въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ людямъ, нежели божество по понятіямъ нашей религіи. При томъ-же не надобно выпускать изъ виду еще и того, что сюжеты Греческихъ трагедій брались исключительно изъ легендарнаго міра, гдѣ связь человѣка съ богомъ была особенно тѣсна и явственна, гдѣ вмѣшательство бога въ человѣческія дѣла было обычнымъ явленіемъ въ жизни какъ общественной, такъ и частной. Слѣдовательно, появленіе божества на сценѣ нисколько не могло противорѣчить идеѣ божества, присущей древнему Греку, который не смотрѣлъ на него, какъ на униженіе и оскорбленіе своей религіи, потому-что оно было тѣсно связано съ нею. При всемъ томъ, нельзя не согласиться, что явленіе божества на сценѣ и вмѣшательство его въ людскія дѣла, совершающіяся на ней, тогда только могло быть умѣстнымъ, когда вѣра въ возможность и дѣйствительность сообщенія боговъ съ людьми не изсякла еще въ народѣ. Въ противномъ случаѣ подобное явленіе не могло производить ожидаемаго дѣйствія, а напротивъ — въ состояніи было ослабить впечатлѣніе драмы, и даже оскорбить нравственное чувство. Съ другой стороны, смыслъ такихъ явленій свыше тогда-только могъ быть дѣйствительно умѣстенъ и сообразенъ съ цѣлію, когда они совершались для разрѣшенія высоко-нравственныхъ недоразумѣній и затрудненій. Когда столкновеніе человѣческихъ взглядовъ на одно и то-же нравственное дѣло, или на одинъ и тотъ-же нравственный поступокъ до того дѣлался запутан-

нымъ и противорѣчущимъ въ трагедіи, что древній поэтъ чувствовалъ себя не въ силахъ разрѣшить и примирить его справедливымъ образомъ при помощи однѣхъ своихъ силъ: то ничего ему не оставалося, какъ воззваніе къ высшему божеству, къ его посредству, воззваніе къ вѣрѣ. Человѣкъ охотно подчиняется рѣшенію и велѣнію неба, и потому, дѣлая уступку, соглашаясь на примиреніе, онъ не считаетъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ; онъ сознаетъ, что повинуется волѣ божіей, а не волѣ такого-же человѣка, какъ и онъ самъ; убѣжденія его въ этомъ случаѣ нисколько не страдаютъ, чувство собственнаго достоинства нисколько не роняется, и самый твердый и непреклонный характеръ, нимало не противорѣча себѣ, отступаетъ отъ своихъ намѣреній. Такимъ случаемъ мы признаемъ вмѣшательство божества въ двухъ Греческихъ трагедіяхъ: въ Эсхиловыхъ *Евменидахъ* и въ Софокловомъ *Филоктетѣ*. Въ Еврипидовой же *Медеѣ* мы не видимъ такой нравственной необходимости. Еврипидъ вызвалъ Солнцеву колесницу не для того, чтобы примирить какое-нибудь нравственное столкновеніе, непримиримое по человѣческимъ понятіямъ, но просто для того, чтобы, сообразно съ мыслію Медеи, окончить драму; ему нужно было спасти ее отъ заслуженнаго ею наказанія за свои злодѣянія, чтобы, черезъ это спасеніе изъ рукъ Язона или оскорбленныхъ родственниковъ погибшаго царя и его дочери, возбудить въ душѣ перваго гораздо больше мученій; и такъ-какъ никакими обыкновенными путями невозможно было спасти ее, то Еврипидъ употребилъ сверхъестественное явленіе колесницы. Ес-

ли смотрѣть на это явленіе съ точки нравственной, то въ немъ лежитъ даже нѣкоторая насмѣшка надъ божествомъ, которое вызывается поэтомъ для того, чтобы оказать покровительство преступленію, избавить преступницу отъ наказанія: не явись колесница, Медея была бы схвачена и наказана, какъ и достойна была, за свои злодѣянія. Но такой взглядъ мы считаемъ не вполнѣ справедливымъ, и думаемъ, что въ этомъ мѣстѣ нельзя принимать его во всей цѣлости и примѣнять его къ трагедіи безъ всякой оговорки. Не слѣдуетъ забывать, что Солнце послало колесницу для спасенія не Медеи преступницы, но Медеи своей родственницы. Эти-то родственныя отношенія и прикрываютъ нѣкоторымъ образомъ безнравственность самаго пособія, хотя и не оправдываютъ его.

За исключеніемъ этого упрека, который сдѣлать можно Еврипиду и который, не смотря на усилія Гартунга (Euripid. restit. 1, 346) оправдать и объяснить его, все-таки остается упрекомъ, и за исключеніемъ небольшихъ промаховъ, указанныхъ мною прежде, вся трагедія есть одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній не только Еврипида, но и всѣхъ древнихъ трагическихъ писателей. Единство трагедіи выдержано самымъ неукоризненнымъ образомъ. Медея, почти съ самаго начала до конца драмы, не сходитъ со сцены; она составляетъ то средоточіе, вокругъ котораго движется все дѣйствіе, ту точку, къ которой направлены и устремлены всѣ пружины трагическаго. Планъ и самое развитіе его выполнены съ удивительною простотою; дѣйствіе начинается и оканчивается въ одинъ день; оно развивается

постепенно, шагъ за шагомъ, явленіе за явленіемъ; авторъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ искусственнымъ и натянутымъ средствамъ, чтобы довести его до конца; послѣдующее явленіе обусловливается предыдущимъ, какъ послѣдствіе своего причиною; даже Солнцева колесница вытекаетъ изъ необходимости закончить драму такъ, а не иначе. Почти съ начала до конца трагедіи Медея проникнута одною мыслію, воодушевлена одною страстію — мщеніемъ своимъ врагамъ, которое возникло и развилось подъ вліяніемъ ревности и ненависти; въ жертву этой страсти приносится ею самое святое чувство — материнская любовь къ дѣтямъ; развитіе страсти, отъ самыхъ бѣшеныхъ порывовъ жгучаго своею новостію горя до холоднаго, кроваваго замысла, выполнено вѣрно, сообразно съ природою и характеромъ Медеи. Подъ вліяніемъ этой страсти все остальное забыто ею; для нея какъ-бы не существуетъ весь міръ; она поглощена одною мыслію; она вся, если позволено такъ выразиться, обратилась въ одну страсть, энергическую и страшную; всѣ ея помыслы и чувства, вся ея душа проникнуты ею; всѣ ея стремленія, желанія, вся ея дѣятельность направлены къ тому, чтобы достигнуть одной цѣли — мести. Уже съ перваго дѣйствія въ трагедіи, когда еще Медея не показывается на сценѣ, читатель и зритель могутъ догадываться, что эта неукротимая душа, способная, ради любви, къ огромнымъ, даже преступнымъ пожертвованіямъ, можетъ быть столько-же способна къ неукротимой и безпощадной мести, которой ничто не остановитъ, что она не побоится никакихъ преградъ, не отступитъ ни предъ какими жертвами, и

что, напротивъ, преграды и препятствія еще болѣе раздражатъ ее, еще сильнѣе возбудятъ ея порывы, которые рано или поздно приведутъ ее къ желанной цѣли.

Медея — тяжкая преступница: но она вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная мать и любящая супруга. Если-бы Медея была выведена на сцену только какъ убійца своихъ дѣтей, дѣйствующая подъ вліяніемъ только ревности и мщенія: то она произвела бы содраганіе въ зрителяхъ и читателяхъ, возбудила бы ужасъ своимъ страшнымъ преступленіемъ, отвращеніе къ своимъ противоестественнымъ дѣйствіямъ; на нее смотрѣли бы, какъ на чудовище между людьми; она не могла бы возбудить ни въ зрителѣ, ни въ читателѣ сочувствія и состраданія. Но какъ супруга, пламенно любящая мужа, и особенно какъ мать, нѣжно, страстно любящая дѣтей, она въ высокой степени возбуждаетъ нашу симпатію. Положеніе ея, какъ супруги, отвергнутой своимъ мужемъ, и притомъ несправедливо, безъ всякой со стороны ея причины, по однимъ только эгоистическимъ разсчетамъ Язона, привлекаетъ къ ней сочувствіе зрителей и читателей уже съ самаго начала. Эта симпатія еще болѣе усиливается, когда мы узнаемъ, что она всѣмъ пожертвовала для своего мужа: родиною, родными, семейными узами, что она была вѣрная ему помощница въ тяжкія для него годины, была спасительницею для него, и что теперь, когда для него она порвала всѣ связи родства, любви и благорасположенія со всѣмъ міромъ, что теперь, когда замѣну всего этого она видѣла въ одномъ Язонѣ, онъ покидаетъ ее на чужой сторонѣ — безродную, одинокую, безпомощную,

что, покидая, онъ не выражаетъ къ ней ни чувства сожалѣнія, ни ласковаго слова, ни привѣтливаго утѣшенія, что постыдный свой поступокъ онъ прикрываетъ эгоистическимъ благоразуміемъ, что не только покидаетъ ее, но и нисколько не заботится о томъ, чтобы устроить ей убѣжище, или предохранить ее отъ изгнанія. Зритель и читатель содрагаются отъ ея замысла, а между-тѣмъ сердце того и другаго остается на сторонѣ преступницы Медеи всякій разъ, когда она встрѣчается съ мужемъ и съ его будущемъ тестемъ. Какими жалкими и презрѣнными эгоистами, робкими и трусливыми личностями кажутся они оба передъ Медеею, предъ ея неумолимою ироніею, предъ ея умомъ, предъ ея смѣлостію и энергіею, когда она, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, оскорбленная супруга, униженная мать, разрушаетъ всѣ ихъ замыслы и торжествуетъ надъ ними! Читатель и зритель не могутъ не содрагаться при видѣ неудержимой силы этого женскаго характера, который не щадитъ самыхъ святыхъ и глубокихъ привязанностей, лишь-бы только достигнуть своей цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ не сочувствовать смѣлости ея замысловъ, искусству и твердости, съ какими она достигаетъ своей цѣли. Положеніе Медеи, какъ матери, вызываетъ не меньшую симпатію у зрителей и читателей. Медея, мы сказали, — тяжкая преступница: но она — любящая мать; она губитъ своихъ дѣтей: но она любитъ ихъ страстно и нѣжно. Дорого ей стоило принудить себя погубить ихъ: не смотря на неутолимую жажду мести, которою она проникнута, не смотря на ея стремленіе отмстить своему мужу самымъ

чувствительнымъ образомъ, она содрагается при мысли объ убійствѣ своихъ дѣтей, хотя и убѣждена въ томъ, что оно-то и будетъ самымъ чувствительнымъ мщеніемъ для Язона. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что для Медеи убійство не новость: она знакома и съ волненіемъ убійцы, и съ страхами и призраками убійства; она убивала и не разъ, и притомъ близкихъ себѣ людей: слѣдовательно, если такая личность, рѣшаясь на убійство своихъ дѣтей, сама содрагается передъ нимъ; если она, привычная къ убійству, не можетъ сразу и спокойно совершить его, какъ сразу и спокойно совершаетъ убійство царевны; если въ послѣднія минуты предъ убіеніемъ она колеблется, то оставляетъ свои намѣренія, то снова принимаетъ ихъ; если одинъ взглядъ на дѣтей, одна улыбка ихъ почти-что разрушаютъ ея стремленія: то не показываетъ ли все это, что Медея— глубоко любящая дѣтей своихъ мать? И стоитъ только припомнить тотъ монологъ, въ которомъ она какъ-бы прощается съ дѣтьми: какою глубокою нѣжностію и материнскою любовію дышетъ каждая строчка его, каждое слово, обращенное ею къ дѣтямъ! Сколько материнской горести и сердечной боли въ словахъ, гдѣ она говоритъ: «о дѣти, дѣти! у васъ теперь есть и родина, и домъ, гдѣ, покинувъ меня несчастную, вы будете жить, на-вѣки разставшись съ матерью; я же изгнанницею пойду въ другую страну; я не буду радоваться вами, не буду видѣть васъ счастливыми, не буду снаряжать вашихъ свадебъ, убирать вашихъ невѣстъ и вашихъ брачныхъ постелей, не буду зажигать свадебныхъ факеловъ. О, я несчастная своимъ неукротимымъ

увлеченіемъ! Напрасно же я вскормила васъ, дѣти, напрасно, раждая васъ, я страдала, томилась мученіями и переносила тяжкія боли. Я-то, несчастная, возлагала когда-то на васъ великія надежды; я-то надѣялась, что вы будете кормить меня—старуху, что, когда умру, вы погребете меня прилично, какъ слѣдуетъ». Даже изъ любви къ нимъ она и убиваетъ ихъ: по-крайней-мѣрѣ она сама обманываетъ себя этимъ софизмомъ. Она сама, среди страшной борьбы двухъ чувствъ—материнской нѣжности и мести, какъ-бы силясь заглушить крикомъ вопль природы, восклицаетъ: «нѣтъ, клянусь мстящими адскими богами, никогда не бывать тому, чтобы я сама отдала моихъ дѣтей на поруганіе моимъ врагамъ! Умереть имъ непремѣнно нужно!» И потомъ, сколько любви въ послѣднихъ словахъ Медеи къ дѣтямъ, когда она, переселивъ свое колебаніе, поборовъ материнскую нѣжность, окончательно рѣшилась умертвить ихъ, и прощается съ ними: «подайте, дѣти, подайте матери правыя руки, пусть она поцѣлуетъ ихъ. О дорогія руки! О милыя уста! О видъ и благородное лицо дѣтей! будьте счастливы, но не здѣсь, а тамъ! Здѣшнее счастіе отнялъ у васъ вашъ отецъ. О сладкія объятія! о нѣжный цвѣтъ юности! о сладкое дыханіе!» и проч. Вотъ эта-то любовь къ дѣтямъ и заставляетъ зрителя и читателя забыть на-время, что Медея — страшная, тяжкая преступница. Въ этой страшной преступницѣ мы все-таки видимъ женщину; женственность ея не угасла, не изсякла среди преступныхъ замысловъ: она увлечена только страстію; она пересилена только жаждою мщенія, вызваннаго и развитаго неправдами мужа

относительно ея. И нельзя не подивиться искусству Еврипида, съ какимъ онъ, изображая Медею въ борьбѣ съ противодѣйствующими страстями, умѣлъ избѣжать слишкомъ яркихъ красокъ, или слишкомъ мрачныхъ тѣней, умѣлъ сохранить надлежащую мѣру и не переступить границъ, за которыми естественное исчезаетъ, а начинается натянутое, напыщенное и реторическое.

Основная страсть, которую представилъ Еврипидъ въ Медеѣ, — ревность: отсюда уже развилась самая неукротимая и безпощадная ненависть и неутолимая жажда мести: онѣ-то увлекаютъ ее ко всѣмъ тяжкимъ преступленіямъ. Если-бы мы ничего не знали о Медеѣ изъ миѳовъ кромѣ этой ревности; то все-таки мы по ней могли бы сдѣлать вполнѣ вѣрное заключеніе, что Медея любила своего мужа. Но всѣ легендарные разсказы о Медеѣ повѣствуютъ объ ея любви къ Язону самой пламенной и преданной, во имя которой она не задумалась погубить брата, покинуть отца и родину и пуститься съ милымъ въ невѣдомую ей страну. Слѣдовательно, обладать сердцемъ своего мужа, принадлежать ему навсегда было высочайшимъ ея благомъ, для котораго она пожертвовала всѣмъ, что было ей самаго дорогаго въ жизни. Отсюда само собою вытекаетъ, что подобная любовь, будучи обманута и отвергнута, должна была въ равной степени вызвать въ душѣ Медеи и ревность, и ненависть къ любимому Язону, а за-тѣмъ уже и жажду неусыпной мести. Какъ въ прежнее время, въ былые дни взаимной любви и счастія, страстная любовь двигала всѣмъ существомъ Медеи и составляла ея душу: такъ теперь, послѣ разрыва, ревность и возникшая от-

сюда ненависть и месть должны были стать на мѣсто любви въ сердцѣ Медеи и сдѣлаться силою, двигающею ее, руководящею ея дѣяніями, душею ея. Если прежде любовь Медеи управляла всѣми ея поступками и даже увлекала ее къ преступленіямъ: то очевидно, что и ревность должна была въ равной степени овладѣть ея душою и сдѣлаться управляющимъ началомъ въ послѣдующей ея жизни. Если во имя любви она не побоялась бросить родину и родныхъ и совершить убійства: то очевидно, что и теперь, во имя обманутой и презрѣнной ея любви, подъ вліяніемъ ревности, замѣнявшей ее, она не дрогнетъ ни передъ какими жертвами, не отступитъ ни предъ какимъ преступленіемъ. Моментъ, выбранный Еврипидомъ, чтобы вывести на сцену Медею и чтобы мотивировать дальнѣйшія дѣйствія ея, особенно любовь ея къ Язону, выбранъ чрезвычайно удачно. Въ самомъ началѣ драмы мы узнаемъ, что намѣренія и стремленія Язона сдѣлались вполнѣ извѣстны Медеѣ только недавно: мы находимъ ее подъ впечатлѣніемъ свѣжаго, только-что поразившаго ея горя; она еще не свыклась съ нимъ; ударъ былъ до того силенъ, что лишилъ ее почти способности мыслить и чувствовать, или, говоря точнѣе, оставилъ у ней въ сердцѣ одно только чувство, чувство боли ѣдкой и жгучей. До такой-то степени была сильна любовь ея къ Язону! Приготовленная безъ сомнѣнія къ этому событію предшествующими поступками Язона, она, не смотря на ожидаемую развязку, почти-что обезумѣла отъ окончательнаго разрыва съ мужемъ. Такимъ образомъ, если вполнѣ естественно, что окончательный раз-

рывъ съ мужемъ, поразивъ Медею съ необыкновенною силою, вызвалъ въ душѣ ея сильную ревность и соразмѣрную ненависть къ нему въ соединеніи съ жаждою мести: то столь-же естественна и ненависть ея къ тому лицу, которое лишило ее любви мужа, и притомъ ненависть неукротимая и безпощадная, сопровождаемая такою-же неукротимою и безпощадною жаждою мести. Не будь этой женщины, Медея осталась бы спокойною; сердце ея мужа принадлежало бы ей вполнѣ; она безраздѣльно владѣла бы имъ и не испытала бы страшныхъ мукъ ревности; ее не изгоняли бы изъ страны и ей не пришлось бы снова вступать на путь злодѣяній. Слѣдовательно, въ мысляхъ Медеи, невѣста Язона столько-же виновата относительно ея, какъ и Язонъ; она отняла у нея все то, что́ было ей дороже всего и что куплено было ею съ такими пожертвованіями. Такимъ образомъ ненависть Медеи къ ней столь-же вѣрно понята Еврипидомъ, какъ и ненависть къ мужу. Медея не можетъ ей простить, что любовь и благорасположеніе Язона, на которыя она имѣетъ полное право, пріобрѣтенное и долговременною жизнію и пожертвованіями, достанутся на долю другой, которая ничѣмъ не заслужила ихъ, ничего не сдѣлала для Язона, ничѣмъ не жертвовала для него. Медея не можетъ простить Язону его увлеченія, его презрѣнія къ ней; голова ея прожигается, какъ огнемъ, тою мыслію, что отселѣ она будетъ не больше, какъ брошенная, ненужная вещь, что Язономъ будетъ владѣть другая, которой онъ будетъ расточать тѣ-же ласки, какія расточалъ ей въ былое время, что надъ нею они будутъ смѣяться, издѣ-

ваться. Сердце ея, пламенно и страстно любящее, подъ вліяніемъ столькихъ причинъ, должно было быстро дойти до самой ожесточенной ненависти, потребовавшей столь-же ожесточенной мести. Эта ненависть тѣмъ неумолимѣе и тѣмъ неудержимѣе должна была быть, что Медея, развивая ее, опиралась на несправедливость къ себѣ Язона, и что на своей сторонѣ она чувствовала нѣкоторымъ образомъ право мести. Присоединимъ къ этому еще другую черту въ характерѣ Медеи — пылкость и гордость. Этой гордой женщинѣ, оскорбленной и униженной въ своей любви, ничего не оставалось, какъ мстить, и притомъ — быстро. Другая женщина, менѣе гордая, менѣе пылкая, подчинилась бы, скрѣпя сердце, своей участи, и если-бы мстила, то исподоволь, современемъ, выжидая и затаивъ свою ненависть. Но Медея, пылкая и гордая, не могла подчиниться обстоятельствамъ; она не могла дѣлить любви съ другою, не могла уступить ей правъ на сердце своего мужа, не могла, скрѣпя сердце, выжидать случая, молчать и бездѣйствовать; Медея не въ состояніи была ненавидѣть въ душѣ, а на лицѣ скрывать свою ненависть; гордость и пылкость ея требовали мщенія сейчасъ, немедленно, и она исполнила его. Слѣдовательно, Еврипидъ превосходно понялъ и выполнилъ роль Медеи; съ начала до конца онъ остался вѣренъ своему изображенію; ни одною чертою не вышелъ онъ за предѣлы дѣйствительнаго; развитіе страсти идетъ у него чрезвычайно быстро, но сообразно съ природою Медеи; одна сцена дополняетъ другую, или точнѣе, послѣдующая вытекаетъ изъ предыдущей, какъ изъ своей при-

чины, и вмѣстѣ служитъ причиною послѣдующей. Кромѣ того, Еврипидъ первый изъ Греческихъ поэтовъ заглянулъ такъ глубоко въ сердце женщины; онъ первый рѣшился вывести на сцену дѣтоубійцу въ томъ смыслѣ какъ Медея, поставить ее лицемъ къ лицу къ современнымъ зрителямъ со всѣми муками ревности и ненависти къ мужу и его невѣстѣ, и любви къ дѣтямъ. Медея дѣтоубійца была безспорно нововведеніемъ на Греческомъ театрѣ. Греческіе миѳы знали одинъ только примѣръ дѣтоубійцы. Это убіеніе невиннаго Меликерта своею матерью Іо; но эта послѣдняя никакимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ Медеею; Іо погубила свое дитя въ сумасшествіи, а не съ полнымъ сознаніемъ того, что она дѣлала, какъ Медея.

Вообще Еврипидъ замѣчателенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что онъ въ Греческой драмѣ пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ и современниковъ, что онъ оставилъ тотъ путь, котораго держались современные и предшествовавшіе ему трагики, и проложилъ себѣ новый. Онъ хорошо понималъ, что, если будетъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, то ему не удастся превзойти такихъ великихъ художниковъ, каковы были Эсхилъ и Софоклъ; что, держась легендарныхъ преданій, онъ вынужденъ будетъ либо повторять то, что создано уже тѣмъ и другимъ, либо обратиться къ натяжкамъ, реторическимъ украшеніямъ и всякаго рода преувеличеніямъ. Миѳическій циклъ, доставлявшій содержаніе Греческимъ трагедіямъ, былъ исчерпанъ предшествовавшими и современными ему трагиками; въ рукахъ поэтовъ художни-

ковъ онъ подвергся разностороннимъ переработкамъ, прибавить къ которымъ что-нибудь новое едва-ли было возможно; характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ были уже опредѣлены отчасти эпическими, отчасти драматическими поэтами. Понимая все это, Еврипидъ не пошелъ по ихъ слѣдамъ: удержавъ форму драмы, расположеніе и внѣшнія ея условія, онъ далъ ей другое направленіе; онъ перенесъ ее изъ миѳическаго міра въ міръ существенный, въ міръ людей, или, говоря точнѣе: миѳическое въ немъ осталось, но только выражало уже не миѳическую старину, но современное Еврипиду, или общечеловѣческое. То, что составляло душу каждой саги, отчасти чудесное, отчасти судьба, отошло у него на второй планъ, сдѣлалось не главнымъ, но второстепеннымъ и случайнымъ; на первый планъ выступилъ у него человѣкъ съ своею самостоятельною волею; и потому его дѣйствія составляютъ основу и содержаніе Еврипидовой драмы. Правда, онъ бралъ лица для своихъ трагедій изъ легендарнаго періода; но въ нихъ выражалъ уже не традиціонный характеръ, но характеръ либо современнаго человѣка съ его страстями, желаніями, помыслами и взглядами, либо человѣка вообще по его природѣ, по его добрымъ и дурнымъ сторонамъ. Драматическія его лица носятъ еще имена стариннаго миѳическаго и легендарнаго періода; но это уже не тѣ люди, что дѣйствовали въ Эсхиловыхъ трагедіяхъ; дѣянія ихъ не суть дѣянія тѣхъ героевъ и личностей, о которыхъ говоритъ сага; это современные Еврипиду, или общечеловѣческія лица съ миѳическими и легендарными именами; это — страсти, со-

временныя поэту или общія всему человѣчеству, только подъ оболочкою старины; это мнѣнія и взгляды современнаго ему міра, только вложенныя въ уста не современнаго по имени человѣка. Дѣйствія Еврипидовыхъ драмъ совершаются въ мѣстахъ, освященныхъ миѳомъ, и переносятся во времена давно-минувшія; но они не принадлежатъ тому отдаленному міру: для него они были бы чужды и совершенно непонятны. Древніе называли Еврипида философомъ и самымъ трагическимъ поэтомъ (τραγικώτατος). То и другое названіе даетъ чрезвычайно вѣрное понятіе объ немъ. Онъ стремился изобразить въ своихъ драмахъ человѣка такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ съ своими недостатками и достоинствами; перенося драму изъ міра нечеловѣческаго въ человѣческій, онъ старался изобразить жизнь человѣка и ея разнообразныя явленія такъ, какъ они дѣйствительно совершались въ ней, а не какъ они могли, или должны были быть; выводя на сцену дѣйствующія лица, онъ не идеализировалъ ихъ, а ставилъ только въ такое положеніе, въ которомъ наиболѣе было трагическаго, игры страстей, волненій и борьбы. Такова его и Медея. Въ драмѣ, Медея является не тѣмъ существомъ страшнымъ и нечеловѣческимъ, какимъ передаетъ ее намъ миѳъ: это не волшебница и чародѣйка злая, безчувственная и необузданная; напротивъ, это любящая, и потому ревнующая супруга; это нѣжная и страстная мать; это гордая и пылкая женщина, совершающая преступленіе не по ремеслу, но по увлеченію и по силѣ обстоятельствъ, оскорбленная и униженная, страдающая и измученная своимъ горемъ. О ча-

рахъ ея въ трагедіи упоминается только намекомъ; о прежнихъ ея злодѣяніяхъ разсказываетъ Еврипидъ только для того, чтобы уяснить ея характеръ сильный и необузданный, готовый пожертвовать всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, чтобы сдѣлать болѣе понятными для зрителя и читателя ея права на любовь Язона и причины ея ненависти къ нему; прежней Медеи, созданной народною вѣрою, нѣтъ въ Еврипидовой драмѣ; объ ней только напоминаетъ имя, мѣсто дѣйствія и лица, окружающія ее; но дѣйствуетъ иная Медея, созданная чисто Еврипидомъ. Назовите ее другимъ именемъ, а не Медеею, — все равно: трагедія оттого ничего не потеряетъ; впечатлѣніе ея останется то-же самое; мы будемъ видѣть передъ собою типъ женщины любящей, гордой, пылкой и неукротимо-мстительной, которая, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлается именно такою личностію, какая выведена въ драмѣ: любящею матерью и дѣтоубійцею, любящею супругою и страшно мстящею мужу за свою, попранную имъ, горячую къ нему любовь.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: July 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

JAN 73
N. MANCHESTER, INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 047 953 1